

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 1:001;001.8

СРАВНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ, ВЕДУЩЕЕ К ПЕРЕСМОТРУ ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА НАУКИ

С.М. Антаков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: sergey@antakov.ru.

Аннотация. Некоторые отечественные философы находили аналогию между теориями научных революций Т. Куна и социальных революций К. Маркса. Эту аналогию можно довести до тождества, если пересмотреть традиционный образ науки, исходя из гегельянско-марксистского синтеза.

Ключевые слова: категории материи и формы, Т. Кун, К. Маркс, научная революция, социальная революция.

COMPARISON OF SOCIAL AND SCIENTIFIC REVOLUTIONS WHICH LEADS TO THE RECONSIDERATION OF A TRADITIONAL IMAGE OF SCIENCE

Abstract. Some Russian philosophers found an analogy between the Thomas Kuhn's theory of scientific revolutions and Marx's theory of social revolutions. We can bring this analogy to the identity if we reconsider the traditional image of science based on the Hegelian-Marxist synthesis.

Keywords: form and matter categories, T. Kuhn, K. Marx, scientific revolution, social revolution.

Любая признанная историками социальная революция характеризуется многими феноменальными аспектами, среди которых – политический (нелегитимная смена субъекта власти) и экономический (возможно, смена основного экономического уклада). С феноменологической точки зрения, революция неотличима от контрреволюции. Для различения требуется принять спекулятивный смысл социальной революции, который можно назвать её ноуменальным, или историософским, аспектом. Не всякая революция позволяет усмотреть его.

Маркс описывает историософский аспект социальной революции с помощью двойственных категорий материи и формы. В отличие от древнего (пифагорейского и перипатетического) понимания материи как косного страдательного начала, у Маркса она осмыслена как активная сила, развитие которой приводит к ломке старой (всегда консервативной) формы и установлению новой формы, адекватной содержанию (т.е. материи). Это событие, описанное столь абстрактным языком, и называется Марксом революцией. Под формой в данном контексте он понимает систему «производственных отношений», т.е. отношения господства-подчинения, а под материей – «производительные силы», наиболее активным моментом которых является субъект-производитель, в том числе, класс пролетариев. Противоречивое единство производительных сил и производственных отношений называется способом производства. Он и является подлинным субъектом истории и революции.

По Марксу, революция становится необходимой, когда противоречие между материей (уровнем развития производительных сил) и формой (производственными отношениями) достигает предельной степени остроты. Тогда, при наличии прочих (выраженных более конкретно) условий, и происходит революционная ломка старой формы. Новая форма возникает в результате творчества тех же производительных сил [1].

Можно ли перенести марксистский теоретико-революционный язык на науку? Наличие «научных революций» в истории не вызывает сомнений у историков и философов науки. Примем во внимание то, что часто остаётся в забвении у исследователей, работающих в указанной области: наука – это не только научное знание и научная деятельность (производство научного знания), но и – что важнее всего – сам деятель, субъект научной деятельности. Это также и субъект истории, пусть частичный, но едва ли не важнейший, если учесть то великое значение для современного мира, которое до сих пор сохраняется наукой. Научный субъект обеспечивает тот вид общественного прогресса, который наиболее явен, в отличие от менее заметного или дискуссионного морального и социального прогресса. Таков прогресс научных знаний и техники, развитие которой всё более определяется развитием фундаментальных знаний и следующих за ними прикладных исследований.

На первый взгляд кажется, что марксистская теория революции вполне приложима к так понимаемой науке: будучи социальным институтом (т.е. субъектом, редуцированным к вещи, опредмеченным), наука пронизана отношениями господства и подчинения (на что, однако, многие исследователи закрывают глаза). Тем не менее, известная нам феноменология истории науки не позволяет увидеть в научных революциях процесс ломки господствующих научных институций как устаревших и их замену новыми, якобы прогрессивными.

Это подтверждается рассмотрением даже Великой научной революции XVI–XVII веков в Западной Европе, важнейшим и общепризнанным следствием которой была «институционализация науки» (её превращение именно в «социальный институт»). Если подойти к этому процессу непредубеждённо, то надо заметить, что «институционализация науки» сама по себе не была революционной ломкой старой формы организации науки, при которой порядка ста учёных в каждом поколении лично знали друг друга и состояли в переписке, обмениваясь результатами научных исследований. В условиях экспоненциально начавшегося в указанное время роста численности «научных работников» эта форма оказалась недостаточной и была дополнена спонсируемыми государством или богатыми меценатами (те и другие – заинтересованная в науке, но вне науки стоящая сила) формальными организациями вроде национальных академий наук и лабораторий. Личная переписка стала неэффективной и была вытеснена на периферию журнальными публикациями.

Революционность «институционализации науки» можно видеть в том, что наука превратилась в профессию (т.е. в оплачиваемую деятельность), иными словами, была подчинена интересам политиков и капиталистов, стала для них средством достижения вненаучных (практических) целей. До того наука была подчинена Церкви. Ослабление последней в результате раскола (Реформации) вместе с развитием капиталистического уклада привело к освобождению науки от Церкви и её закабалению светским Государством и Капиталом.

Сказанное не позволяет просто перенести марксистскую революционную методологию на науку, понимаемую как относительно автономную институцию. Не означает ли это косвенного признания малой значимости науки как исторического субъекта и существенного отличия научной революции от социальной революции?

Рассмотрим это существенное отличие. Как уже было сказано, сущность социальной революции в марксизме – смена формы, понимаемой как система отношений господства-подчинения внутри исторического субъекта. Сущность научной революции обычно рассматривается на другом, эпистемологическом, уровне науки – науки как знания, и усматривается в революции идей, включая методы. Так, «институционализация» (профессионализация) науки стала возможной благодаря изобретению (Декартом, Ферма и продолжателями их дела, создавшими математический анализ) универсального математического метода, позволившего методически и подчас рутинным образом решать научные задачи широкого класса. Миллионы «научных работников» смогли решать задачи, которые в старые времена доинституциональной науки были по силам лишь сотне гениев.

Первая историко-научная теория научных революций была создана Томасом Куном на рубеже 1950–1960-х годов. Уже в 1975 г. его основная книга «Структура научных революций» была издана в русском переводе, многократно переиздавалась и оказала заметное влияние на отечественную философию науки, развивавшуюся в СССР, чаще всего без указания на источник. Критики теории Куна из числа советских марксистов отмечали аналогию этой теории с марксистской теорией социальных революций. Следующая цитата даёт представление об этом.

«Согласно точке зрения Куна, развитие науки идет не путём плавного наращивания новых знаний на старые, а через периодическую коренную трансформацию и смену ведущих представлений, то есть через периодически происходящие научные революции. Сама по себе эта идея не нова. Она была глубоко разработана К. Марксом и Ф. Энгельсом, блестяще и убедительно раскрыта на примере революции в физике начала XX века в книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развивается многими историками науки» [2, с. 279]. Но эта характерная цитата показывает также недостаток представляемой в ней аналогии между теорией Куна и марксистской теорией социальных революций. Он заключается в том, что постпозитивистское рассмотрение (Т. Кун и др.) ограничивается так называемой научной парадигмой и, прежде всего, эпистемическим уровнем науки-субъекта. Социальный аспект парадигмы тоже рассматривается, однако в очень узком срезе научно-идейных влияний и информационных взаимодействий в «научном сообществе». Марксистский же анализ видит сущность революций в изменении характера властного отношения внутри исторического субъекта. Это существенное различие неопозитивистского и марксистского подходов как будто не замечается авторами приведённой цитаты, в чём они далеко не одиноки.

Обобщив теорию Куна, её легко можно перевести на диалектический язык, пользуясь категориями материи и формы. В роли материи при этом выступает научный опыт, имеющий тот же активный характер, что и «производительные силы» у Маркса. Формой в этой аналогии оказывается теория. Развитие опыта рано или поздно приводит к его противоречию со старой теорией, в результате чего последняя отрицается и заменяется новой, уже адекватной опыту. Эта аналогия, однако, не является полной, что не позволяет прямо применить теорию Маркса к научным революциям. В частности, согласно Куну, всякая научная революция непредсказуема, а переход от старой формы («парадигмы», как называет её Кун) к новой алогичен. В этом смысле концепция Куна оказывается более слабой, неполной «теорией» (не теорией в строгом смысле слова) по сравнению с марксистской теорией осмысленной на всём своём протяжении, целенаправленной истории, подчиняющейся известной логике – не формальной, но особой, диалектической. Под непредсказуемостью

здесь имеется в виду невозможность предсказания не даты революции, но новой формы (парадигмы у Куна). Марксу же основные черты последней, коммунистической, формы были известны до соответствующей («социалистической») революции.

Несомненными научными революциями были три вехи в её истории: зарождение практической науки в конце неолита, теоретизация научного знания в Древней Греции, которую можно считать завершившейся в IV веке до н.э., и институционализация науки (в указанном выше смысле), начавшаяся в XVI–XVII веках. Все эти события были тесно связаны с политическими процессами в обществе (более того, все они имели *внешние* объясняющие их социально-экономические причины), тем не менее, было бы натяжкой представлять научную революцию как имеющую политический аспект, связанный с нелегитимным переходом власти внутри науки как социального института. Это и означает, что аналогия научной и социальной (в её марксистском понимании) революций не является полной. Иными словами, социальная революция в теории Маркса не может служить теоретическим образом научной революции, если наука понимается общепринятым образом – как определенная, редуцированная и к тому же частичная (периферийная, неподлинная) исторический субъект науки, называемый «наукой как социальным институтом».

Признание адекватности марксистской историософской концепции, в частности, в отношении науки, побуждает вспомнить о гегельянских истоках марксизма и признать науку в роли научного разума, выразителя всеобъемлющего Разума, развивающегося Духа или смысла истории. Что, разумеется, порождает принципиальные вопросы, связанные с противоречиями между гегельянским идеализмом и марксистским материализмом. Однако не менее кричащие, на первый взгляд, противоречия между Гегелем и Кантом были значительно подвинуты к решению некоторыми неокантианцами и неогегельянами.

Литература:

1. Маркс К. Предисловие «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 13. С. 5–9.
2. Микулинский С.Р., Маркова Л.А. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» // Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. С. 274–292.

References:

1. Marks K. Predislovie «K kritike politicheskoj jekonomii» // Marks K., Jengel's F. Sobraenie sochinenij. T. 13. S. 5–9.
2. Mikulinskij S.R., Markova L.A. Chem interesna kniga T. Kuna «Struktura nauchnyh revoljucij» // Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij / Per. s angl. M.: Progress, 1977. S. 274–292.

Сведения об авторе

Сергей Мирославович **Антаков**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 1МИ К89

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ДИАЛЕКТИКИ КАК ЛОГИКИ РЕВОЛЮЦИИ

В.Е. Баранов, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kelembet@yandex.ru

Аннотация. Цель данной работы – выявить роль внутренних, субъективных механизмов освоения мышлением диалектики как логики развития, в том числе, и революционных преобразований в обществе. Показать, что в числе этих механизмов неотъемлемыми являются нравственные, эстетические, мировоззренческие факторы, что диалектика революции открывается только универсальному субъекту – личности.

Ключевые слова: диалектика, личность, революция, социализм, общество.

THE PERSONAL ASPECT OF DIALECTICS AS THE LOGIC OF THE REVOLUTION

Abstract. The aim of this work is to identify the role of internal, subjective mechanisms of development of thinking of dialectics as a logic of development, including revolutionary changes in society. Among these mechanisms are the inherent moral, aesthetic and ideological factors. The dialectic of revolution is open only to the universal subject – the human personality.

Keywords: dialectics, personality, revolution, socialism, society.

Диалектика как логика может быть представлена как занятие чисто рациональное. В таком случае законы и категории этой логики представляются вполне доступными для рационального понимания и простого запоминания приемов их применения. Достаточно внимательно прочесть «Науку логики» Гегеля – и ты уже диалектик и революционер, и это может совершить любой желающий. Однако такой подход, по существу, сворачивает диалектику до формальной логики, представляя ее сводом правил, необходимых и достаточных для понимания и применения в различных формах практики.

Такая трактовка диалектики дает повод ее противникам из субъективистского лагеря справедливо критиковать подобный «логоцентризм» и, утрируя его, протаскивать свой ценностный (неокантианский) субъективизм. Они высказывают упреки в адрес Гегеля и диалектического мышления в абстрактном, одностороннем отрицании «души», «сердца», субъективной составляющей человеческого мышления и их роли в духовном опосредствовании собственного бытия. Эта критика идет со стороны представителей «философии жизни», экзистенциализма, прагматизма, неокантианства. Мысль, в их трактовке, преимущественно эмоциональна, истина конвенциональна, логика деонтична, мировоззрение, духовность – антропоцентричны и т.д. У нас представителем такой критики Гегеля и марксистского понимания диалектики был небыизвестный Г.С. Батищев («Введение в диалектику творчества», 1997).

Однако в то же время в кантианском (неокантианском) субъективизме имеется значительная доля истины. Без человеческих эмоций никогда не было исканий истины, писал В.И. Ленин. Сегодняшний субъективизм (экзистенциализм, бахтинские концепции «поступ-

ка» и «диалога», понимающая социология, гуманистическая психология и проч.) действительно устремлен к истине, но тут всё дело в трактовке самой человеческой субъективности. Ведь на самом деле субъективность субъективности рознь! Эмпиризм субъективизма видит в любой субъективности только субъективизм *индивидуальности*, индивидуалистический *произвол*. Однако передовая философия всегда различала три варианта или уровня, или модуса человеческого бытия и соответствующие им три варианта, уровня или модуса человеческой субъективности.

Человек может пребывать, осуществлять свое бытие на уровнях: а) индивидуально бессубъектном (конформистском, суггестивном), б) индивидуально субъектном (эгоцентричном, индивидуалистичном) и в) универсально субъектном или личностном.

И только на последнем уровне человеческого бытия совершается восхождение к способности диалектического мышления. Только личность как человек, устремленный к общесоциальным, общечеловеческим, общеприродным закономерностям, интересам и ценностям, способен найти «правильное» решение возникающим в его жизни противоречиям, «правильно» произвести синтез полюсов жизненных антиномий, найти нужный момент в пресечении количественных накоплений и перейти к процедуре обобщения в эмпирических исследованиях, найти меру в сочетании формальных приемов и содержательных высказываний в создании художественного образа и т.п.

Виртуозно владел этой диалектикой В.И. Ленин. Вся его деятельность с самых первых ее этапов буквально переполнена смелыми и правильными (с точки зрения человечества и его прогресса) логически парадоксальными, но диалектически безупречными высказываниями и практическими решениями. Развитие капитализма в России: историческое препятствие или условие исторического прогресса? Революция: самодвижение масс или руководящая роль партий и лидеров? Строительство социализма (еще в полемике с А.А. Богдановым): объективная логика прогресса или свобода и субъектность рядовых его строителей? Государство в условиях победы социалистической революции: его укрепление или упразднение? Государственный капитализм (НЭП) в условиях строительства социализма: его отрицание или превращение его в единственный и потому «социалистический» уклад? Человеческая сексуальность: свобода чувственности (теория «стакана воды») или «Кодекс сексуальной морали пролетария» Залкинда? Искусство: «расслабляет» или включает массы в борьбу? Можно найти еще десятки и, наверное, сотни и тысячи подобных антиномий и их синтезов в теоретической и практической деятельности Ленина как носителя, как олицетворителя подлинно личностной, а, значит, общесоциальной и общечеловечески-прогрессивной позиции.

Одним из шедевров ленинской диалектической мысли являются его рассуждения о диалектической логике в работе 1921 г. «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина». Здесь гениальный теоретик и практик революции формулирует четыре «правила диалектического мышления». Все они направлены против позитивистского эмпиризма и логического формализма. Все они в своем единстве представляют краткий очерк движущегося по законам противоречия диалектического мышления.

В.И. Ленин постоянно устно и письменно подвигал своих товарищей по партии к овладению этим *искусством*. Он пользовался в партии чрезвычайным авторитетом, и, пока он жил и работал, обеспечивал диалектику и пластику курса партии, правительства и всей революционной культуры страны. К сожалению, с его уходом революция была отдана на откуп мировоззренческих и интеллектуальных невежд. Новое руководство несло в себе ко-

лоссальную инерцию крестьянского, мелкобуржуазного и потому индивидуалистического и недиалектического, формальнологического мышления и мировоззрения. В результате во всех областях жизни общества воспреобладали однозначные предпочтения какого-нибудь одного из эмпирически наглядных полюсов многочисленных жизненных коллизий. В экономической жизни вместо использования государственно-капиталистического уклада *как средства* перехода к социалистическому нерыночному хозяйствованию, как «ступеньки» и «преддверия» социализма, воцарился тотальный госкапитализм, который был назван полностью и окончательно победившим социализмом. В политической сфере социалистическая демократия диктатуры пролетариата («*Вся власть Советам!*») была контрреволюционно заменена всевластием парламентски организованного Верховного Совета, который автоматически передал свою власть Политбюро партии, единолично управляемого (по сути, манипулируемого) генсеком. Культ личности – это ведь простейший и однозначный выход из антиномий масс и партий, партий и вождей, дисциплины и митинговой демократии. То есть вместо синтеза *отмирающего государства* политическая жизнь сползла к однозначности всевластия госаппарата. Лучшего подарка Максуду Веберу придумать было трудно, ведь бюрократический аппарат, этот самый «худший внутренний враг», как его называл и Ленин, пожрал социалистические начинания и, в конце концов, привел к однозначному восстановлению капитализма.

Социалистическое строительство как *живое творчество масс*, по Ленину, было свернуто жесткой вертикалью единоначалия, диктатурой центра, руководством «кадров, которые решают всё» (И.В. Сталин). В этом последнем случае трудно придумать лучший подарок А.А. Богданову, которого в свое время В.И. Ленин исключил из партии за его технократические иллюзии строить социализм по принципам его «всеобщей организационной науки тектологии», то есть по принципам махистского «принципа организации».

В организации научной жизни: отпустить науку на волю ученых или подчинить ее «интересам социализма», разумея под ним командно-бюрократическую организацию общества? Решение было принято предельно однозначное: раз недопустимо первое, активизируем второе – по возможности, идеологизируем науку. То есть произошло возвращение к средневековому ее статусу служанки идеологии. То же было сотворено и с философией. В результате целые пласты науки были иссечены, изъяты из производительных сил – генетика, социология, кибернетика, эволюционная геология. Философия же стала вообще пошмищем для здравомыслящих ученых (В.И. Вернадский и др.).

В сфере семьи, сексуальности, отношений полов вместо жизненно потребных обществу и, в общем, намечавшихся в 1920-е годы синтезов освобождения тела на основе высокой коллективистской духовности (например, решение этого вопроса в Коммунах А.С. Макаренки или, в художественном варианте, – в «Чевенгуре», «Котловане», «Фро» и других произведениях А. Платонова), – однозначная пропаганда абсолютной ценности духовного и презрения, отрицания всего «этого». То есть, возвращение к средневековой метафизике (в обоих вариантах понимания этого слова). «В Советском Союзе секса нет» – и в результате сегодня народ массово хлынул в противоположную крайность порнографизации своей сексуальности: «люби себя любимого» и «что естественно, то не безобразно».

То же и с искусством. Высочайшее достижение мировой культуры – социалистический реализм в творчестве поэтов, писателей, художников (В. Маяковский, А. Платонов, А. Симонов, В. Мухоморов) усилиями незадачливых руководителей страны быстро был предельно идеологизирован и превращен во всеобщее пошмище из-за своей казенности и

плакатности. Вполне по эстетике первого «диалектика» Платона: в искусстве важнейшим является содержательная сторона – мысль, идея, остальное можно убирать до нуля. Не важно, умеешь ли ты петь, важно, чтобы ты своим пением восхвалял «богов».

Перечень подобных решений, принятых далеко не на уровне Гегеля и Ленина, а максимум Канта и последующего неокантианства, можно продолжать долго. Здесь важна мысль о жизненной необходимости для социалистической революции совершаться по законам диалектики и о том, что никто, кроме самих людей, становящихся универсальными субъектами, личностями, эту диалектику понять и применить к организации жизни не может.

То, что произошло с нашей культурой в XX веке, конечно, трагедия, но в целом, будем надеяться, оптимистическая. Почин положен. Диалектика, как и другие законы природы, открытая умами ее классиков – от Платона до Ленина – в человечестве нарастает, несмотря ни на какие препятствия. Как в свое время формальнологическое, метафизическое мышление ранней буржуазии, став господствующим, вытеснило на периферию культуры средневековую мистику и схоластику и, тем самым, поставило капитализм на адекватную духовно-интеллектуальную основу, так и будущее, постбуржуазное, коммунистическое общество получит свою адекватную мировоззренчески-интеллектуальную основу (опосредствование) в новом, высшем уровне мышления – диалектике. Процесс ее накопления в арсенале мышления человечества неизбежен. И, соответственно, прогресс расширения человеческой личностной субъектности также закономерен и неумолим. Это будет новая, очередная антропологическая революция, сравнимая с неолитической и цивилизационной, скачок к точке Омега» Тейяра де Шардена или к «ноосфере» В.И. Вернадского. Нынешний реванш буржуазно-индивидуалистического мракобесия не может быть долгим, нового Средневековья не будет. Сама жизнь всё более будет подвигать людей к новому интеллекту. Одновременно мы не сбрасываем со счетов и фактор диалектикологического воспитания, просвещения человечества. Тем духовно и живы.

— ● —

Сведения об авторе

Владимир Евгеньевич **Баранов**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Санкт-Петербург, Россия).

— ● —

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 315

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

А.М. Бекарев, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: adrian.bekarev@yandex.ru

Г.С. Пак, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: galinapak5@gmail.com

Аннотация. Анализируется взаимовлияние науки и культуры. Глобальные научные революции приводят к трансформации оснований культуры, которые определяются межпоколенческими связями.

Ключевые слова: научная революция, типология культур, постфигуративная, кофигуративная и префигуративная культуры.

SCIENCE REVOLUTION AND TRANSFORMATION OF CULTURE

Abstract. An interaction between science and culture is being analyzed. The global science revolutions are the causes of cultural transformations which depend on ties between generations.

Keywords: scientific revolution, typology of cultures, typology of cultures by M. Mid.

Есть истины, которые сегодня не ставятся под сомнение. Иудейско-христианская или западная культура в своем лоне создает предпосылки для возникновения науки как социального феномена. Но проблема соотношения науки и культуры является достаточно сложной и многогранной. Возникновение науки и дальнейшие научные революции приводят к трансформациям культуры. Под трансформацией культуры понимается изменение характера конфигурации между её элементами. Наглядный пример – детская игрушка – трансформер, которая в результате манипуляций может принимать вид то машинки, то терминатора. Культура есть, прежде всего, традиция, передача традиции, способ человеческого бытия. Традиции передаются от поколения к поколению. Культура связывает между собой представителей различных поколений. Но характер этой связи приобретает всё более замысловатую форму, представляющую собой сеть взаимодействий, обратных и прямых детерминаций и самодетерминацию между представителями различных поколений.

Исходя из сущностного понимания культуры как передачи традиции, в качестве её основных элементов будем рассматривать поколения, характер межпоколенческих связей. На вопрос о количестве одновременно живущих друг с другом поколений нет однозначного ответа. Диапазон ответов определяется существующей продолжительностью жизни и носит, безусловно, конкретно-исторический характер. Теоретически возможные ответы – от двух до пяти поколений. В целях создания более наглядной модели, отражающей культурные трансформации культуры, и, следуя примеру американского антрополога М. Мид, будем исходить из одновременного существования в культуре трех поколений – деды, отцы (сыновья), внуки (дети).

Ею предложена своеобразная временная типология культур, где живым олицетворением прошлого в настоящем являются деда, настоящего в настоящем – отцы, и будущего в настоящем – дети. Характер отношений между тремя поколениями позволяет выделить три типа культур. В постфигуративной культуре младшие по возрасту учатся у своих предшественников. Кофигуративная культура предполагает освоение опыта не только старших по возрасту, но подчеркивает значимость и собственного поколенческого опыта, способность учиться у своих сверстников. Префигуративная культура приобретает еще более сложный вид. Она устремлена в будущее. Это означает, что старшие по возрасту деда и отцы должны приобщаться к опыту собственных детей и внуков. Чтобы оставаться на месте, надо бежать быстрее.

Однажды возникнув в культуре, наука оказывает решающее влияние на трансформацию самой культуры, на изменение характера отношений между поколениями, меняет представление о времени в самой культуре. Каждая научная революция трансформирует культуру, изменяет её поколенческий облик. Построение данного дискурса исходит из общепринятого, но не единственного, выделения трех глобальных научных революций и их решающего влияния на изменения в культуре. Как правило, определения научных революций являются внутренними, даются в границах самой науки. В частности, научные революции понимаются «как смена системных характеристик науки, стратегии научно-исследовательской деятельности и способов её осуществления, оцениваются как точки бифуркации в развитии знаний. Они свидетельствуют о его нелинейности, невозможности развития на едином непрерывном основании, взаимодополняемости прерывности и непрерывности в науке, дискретности и континуальности» [1, с. 162].

Глобальные научные революции предполагают смену оснований науки, идеалов и норм научного исследования. Каждая революция формирует свой тип научной рациональности: классический, неклассический, постнеклассический. Каждый этап в развитии науки «характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективного знания. Если схематично представить эту деятельность как отношения "субъект-средства – объект" (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эволюции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности» [3, с. 287].

Философская рефлексия по поводу научной деятельности с неизбежностью приводит к необходимости осмысления влияния науки на культуру. Культура способствовала возникновению науки на определенном этапе исторического развития. В современных условиях культура испытывает мощнейшее влияние со стороны науки, ибо наука сегодня – самая продвинутая часть культуры. Но так было не всегда.

Первая глобальная научная революция связана с возникновением самой науки в виде классического естествознания, где доминировала механика, с её идеалами, ценностями и нормами. Целью классической науки являлось достижение истинного знания. Господствовала концепция корреспонденции, где истина понималась как соответствие знаний самой действительности. Ключом к пониманию воздействия науки на культуру может служить высказывание Ф. Бэкона: «Знание – сила». Смысл основного вопроса философии того периода английский философ увидел в установлении господства над природой, в практическом применении знания. Французские просветители – в распространении знаний и пре-

одолении невежества. Именно с возникновением науки связано становление модернистской, прогрессистской концепции истории. В культуре осуществляются процессы, обуславливающие переход от постфигуративной к кофигуративной культуре. Преодолевается циклическая концепция времени, где прошлое, настоящее и будущее являются повторением прошлого, сменяются только действующие лица в виде основных поколений. Как показал М. Элиаде, воспроизведение прошлого опыта никогда не было абсолютным. Существовали «падения в историю», отклонения от привычного образа жизни. В архаичной культуре сложился эффективный способ преодоления изменений, нарушающий привычный порядок вещей. Этот ритуал сохранился до сих пор и его изначальный смысл не претерпел слишком кардинальных изменений. Наш любимый праздник – Новый год для человека постфигуративной культуры означал еще одну возможность начать свою жизнь заново, не допускать нарушений, отклонений от устоявшихся традиций. «Причем здесь самое существенное заключается в том, что такое повторение, воспроизведение означает "отмену времени", возвращение к началу» [4, с. 366].

Проживающие одновременно поколения тесно связаны друг с другом круговоротом передачи опыта от отца к сыну. «Когда конец жизни известен человеку наперед, когда заранее известны молитвы, которые будут прочитаны после смерти, жертвоприношения, которые будут сделаны, тот кусок земли, где будут покоиться его кости, тогда каждый соответственно своему возрасту, полу, интеллекту и темпераменту воплощает в себе всю культуру» [2, с. 323].

Появление науки как специализированного способа получения и накопления знаний разрушает межпоколенческую идиллию. Опыт настоящего отличается от предшествующего опыта. Индивид вынужден учиться не только у более старших по возрасту, но и у собственных сверстников. Разрыв между прошлым и настоящим, разрыв между поколениями становится неизбежным. Сначала он проявляется в более мягкой форме: опыт прошлого и настоящего различаются, прогресс и изменения неизбежны, но предполагается единство и согласие в понимании высших ценностей, что есть истина, добро, справедливость и т.д. Но постепенно в культуре нарастает пропасть между прошлым и настоящим. Её осознание французскими просветителями проявляется в определении предшествующих эпох как «дырок в истории», как «тьмы невежества». В русской литературе классическим выражением разрыва между поколениями является роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Но этот разрыв принимает форму, где на одной стороне – прошлое, живым олицетворением которого являются самые старшие по возрасту, а на другой стороне – настоящее и будущее, отцы и дети. Стрела времени устремлена в будущее – наши дети будут жить лучше нас, мы – отцы строим для них светлое будущее.

Вторая глобальная научная революция связана со становлением неклассического естествознания и охватывает период с конца XIX века до середины XX столетия. Эта эпоха представляет собой своеобразную цепную реакцию революционных перемен в различных областях науки: открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теории в физике; концепция нестационарной Вселенной в космологии, квантовая химия в химии. Возникают кибернетика и теория систем, определивших дальнейшее развитие науки и культуры в целом. Для этой эпохи в истории человечества характерен сознательный отказ от традиции, разрыв с прошлым, абсолютизация науки и её роли в обществе и культуре. Этот феномен интерпретируется по-разному. Одни считают его иллюстрацией синхронного, взаимодополняющего развития науки и искусства на некоторых этапах эволюции куль-

туры: научная революция в физике совпала с возникновением релятивистской эстетики в недрах русского искусства (абстракционизм, лучизм, кубофутуризм, супрематизм и др.). Другие считают, что беспредметная эстетика (интуитивизм, сверхчувственность) основана на перетолковании научных понятий, таких как «неевклидова» геометрия Лобачевского, четвертое измерение Г. Минковского, кинетическая теория света и т.д. Кубисты предпринимают попытку перехода из трехмерного пространства в четырехмерное. В. Кандинский соединяет многомерные воображаемые пространства с плоскостью холста. М. Ларионов вводит понятие «лучизм», трактуемый им по аналогии с радиоактивными лучами, пронизывающими тела и т.д. Политическая и социальная революция в России является формой радикального разрыва с прошлым. Отказ от буржуазной морали, установление нового гендерного порядка, дефамилизация женщин и вовлечение их в ряды строителей коммунизма. Завершается этот этап молодежными движениями в Европе, проходящими под лозунгами сексуальной революции и критики ханжества буржуазной морали. Радикальный разрыв с прошлым, разрушающим межпоколенческую связь, может быть только временным, преходящим. Так, у хиппи выросли дети яппи, признающие и внешне, и внутренне ценности буржуазного общества. Дестабилизация и распад Советского Союза актуализировали проблему переосмысления прошлого, как советского, так и дореволюционного. Таким образом, восстанавливается связь между поколениями дедов и внуков.

Третья глобальная научная революция, в ходе которой рождается постнеклассическая наука, произошла в последней трети двадцатого столетия. Исследуются диссипативные структуры, соотношение порядка и хаоса, выделяются точки бифуркации, утверждается представление о нелинейном характере развития и т.д. не только в естественнонаучном, но и социально-гуманитарном знании. Многопарадигмальность и комплексность научных исследований, толерантность в обществе и культуре, приход ризомного паттерна исторического развития и, наконец, информационная революция кардинально меняют конфигурацию межпоколенческих связей. Присутствуют все черты префигуративной культуры, когда старшие по возрасту вынуждены учиться у собственных детей и внуков, ибо самые молодые обладают такими навыками и опытом, каких не было у предшествующих поколений. Связь между поколениями не исчезает, но существенно ограничивается значимостью прошлого опыта, как и в случае соотношения различных типов научной рациональности. Передача опыта между поколениями в обратном направлении от внуков к отцам и дедам не носит естественного характера, а требует сознательных усилий со стороны старших поколений. Будущее становится принципиально неопределенным. Усиливаются пессимистические тенденции, обусловленные наличием глобальных проблем, широкое распространение получает антисциентизм. Турбулентность рассматривается в качестве основного свойства современности. Оно отражает невероятно возросшую скорость социальных изменений, происходящую дезинтеграцию стран, разрушительное влияние финансового капитала, эрозию «социального государства» в европейских странах, возрастание роли фактора незнания. У. Бек утверждает, что «незнание правит в мировом обществе риска», а жить в таком обществе «означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [6, p. 115].

Существует другой оптимистический прогноз, почерпнутый из разговора литературного персонажа Нобелевского лауреата по физике со знакомым. «Для человечества в целом всё проходит бесследно. Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы, в конце концов, вытащим что-нибудь такое, из-за чего жизнь на планете станет просто

невозможной. Это будет невезенье. Однако согласитесь, что такое всегда грозило человечеству... Человечество в целом – слишком стационарная система, её ничем не проймёшь» [5, с. 169–170].

Литература:

1. Лешкевич Т.Г. Философия науки: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2008. 272 с.
2. Мид М. Культура и мир детства. М.: Прогресс-Традиция, 1988. 429 с.
3. Философия науки и техники: Учеб. пособие / В.С.Стёпин, В.Г.Горохов, А.М.Розов. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
4. Финогентов В.Н. Три образа универсалий «Начала и конец» // Человек как творец культуры. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1997. – С. 366–372.
5. Стругацкие А. и Б. Пикник на обочине. – М.: АСТ, 2015. 256 с.
6. Beck U. World at Risk. Cambridge: Politi Press, 2010. 751 p.

References:

1. Leshkevich T.G. Filosofija nauki: Ucheb. posobie. M.: Infra-M, 2008. 272 s.
2. Mid M. Kul'tura i mir detstva. M.: Progress-Tradicija, 1988. 429 s.
3. Filosofija nauki i tehnik: Ucheb. posobie / V.S.Stjopin, V.G.Gorohov, A.M.Rozov. M.: Kontakt-Al'fa, 1995. 384 s.
4. Finogentov V.N. Tri obraza universalij «Nachala i konec» // Chelovek kak tvorec kul'tury. Ekaterinburg: Ural'skij gos. un-t, 1997. – S. 366–372.
5. Strugackie A. i B. Piknik na obochine. – M.: AST, 2015. 256 s.
6. Beck U. World at Risk. Cambridge: Politi Press, 2010. 751 p.

Сведения об авторе

Адриан Михайлович **Бекарев**, доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Галина Станиславовна **Пак**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 740

ЕСТЬ ТАКАЯ ЛОГИКА!

М.И. Белоногов, ОАО «Томскнефть» (Югра, Россия), e-mail: mihhail51@mail.ru.

Аннотация. Статья представляет собой результат монистического прочтения трудов Гегеля.

Ключевые слова: философия, логика, Гегель, марксизм.

THERE IS SUCH A LOGIC!

Abstract. The article is the result of the monistic reading of Hegel's works.

Keywords: philosophy, logic, Hegel, Marxism.

Революция, совершенная Гегелем в теории познания...

Гегель. Самый глубокий ум планеты. Признанный еще при жизни, но не понятый и спустя 200 лет после смерти.

Работы Гегеля – образец непревзойденного материалистического понимания природы и мышления. Столь же непревзойденного, сколь, по сути, и по сей день не понятого.

Революция №1. Общественное сознание как продукт эволюции общественной практики

На первой ступени развития человеческого мышления Гегель за исходный пункт принимает эмпирический факт отражения человеком внешнего мира, родственной ему с животными. Отличие лишь в том, что человек отражает свои ощущения, восприятия в категориях «это», «здесь», «теперь». Эти категории есть опредмеченные в материальных символах (словах, образах, жестах) индивидуальные восприятия, отчуждаемые в социальную среду и закрепляемые в ней, а также присваиваемые индивидом из этой среды. Они еще лишены развитого мысленного содержания, они всецело чувственно конкретны. Дальнейшее восхождение человеческого мышления есть производство все более точных и емких для мысли категорий, которые являются ступеньками человеческого познания. Процесс восхождения мышления по лестнице категорий завершается производством абсолютной категории «субстанция» или, в терминологии Гегеля, «Абсолютная Идея». Эта категория имеет в себе всецело мыслимое содержание, охватывает в форме мысли всю природу и человека в ней вместе с его мышлением, но полностью лишена содержания чувственного.

Революция №2. Логика бесконечных понятий

Гегель – логик. Главная его заслуга – создание логики категорий. Задача, перед которой остановился Аристотель, задача, которая и поныне кажется неразрешимой, в значительной мере если не разрешена Гегелем, то существенно продвинута к решению. Возможно, именно современное убеждение, исходящее от позитивизма, что логику категорий создать невозможно, лежит в основе непонимания работ философа.

Нет такой логики! – утверждают позитивисты [5, с. 26]. Мы отвечаем: есть такая логика!

Именно построению диалектической логики посвящена «Наука логики», где Гегель идет от абстрактного к конкретному.

Логика Аристотеля научила человечество строить целое из частей, это логика механизма или механистическая логика. Логика Гегеля, наоборот, дает алгоритм построения частей из целого. Это – логика организма, логика холизма, которой следует природа, логика саморазвития, которая действует во всяком процессе природы, будь то химическая реакция или социальное движение. В конкретном познании логика должна быть опредмечена в специфических терминах самого познаваемого процесса, чего и добивался Энгельс в своей «Диалектике природы». Увы, мы по-прежнему далеки от реализации этого требования классика марксизма.

О глубине непонимания предмета логики категорий свидетельствует молчание по поводу фундаментальных понятий «Науки логики». Гегель пишет: «...принципом философии является бесконечное свободное понятие, и все ее содержание покоится исключительно только на нем» [2, с. 288]. И – на совершенно новой логической операции, абсолютной негации. «Существенно важно, – пишет Гегель, – понимать *абсолютное* различие как простое. В абсолютном различии между А и не-А именно простое «не», как таковое, и составляет это различие» [3, с. 489]. Эта операция, как и ее операнд (бесконечное понятие), не были осознаны ни до, ни после Гегеля. Много ли найдется исследований, посвященных анализу этих констант гегелевской логики, представляющих исток и сущность его диалектики? Мне такие исследования неизвестны. Отсюда и критика Гегеля – крайне поверхностная, не касающаяся существа открытого им диалектического метода мышления.

Небольшое пояснение. Еще Аристотель предупреждал, что абсолютно бесконечное множество или «целое» (то, вне чего ничего нет) не может быть предметом исследования науки. Он уточнял: «...бесконечное есть там, где, беря некоторое количество, всегда можно взять что-нибудь за ним. А где вне ничего нет – это законченное и целое» [1, с.119]. Позднее Кант показал, что такие конструкции неизбежно приводят к антиномиям. Через сто лет проблема абсолютного проявила себя в математике как парадоксы теории множеств, что вызвало кризис оснований математики, а вместе с ним и кризис научного познания, не преодоленный и поныне. Г.М. Кантор справедливо отмечает, что виной всему является неразборчивость в определении категории бесконечного [4]. «Неустойчивость в определении понятий и связанная с нею путаница, занесенная впервые около века тому назад с далекого востока Германии в философию, нигде не обнаруживается столь ясно, как в вопросах, относящихся к бесконечности» (ссылка на восток Германии имеет в виду Канта, жившего и работавшего в Кенигсберге) [5, с. 267]. Кантор дает определение множеств, которые допустимы в качестве научных объектов, а именно: в математике допустимы только такие множества, вне которых обязательно существуют иные множества. Такие множества он называет актуальными трансфинитными бесконечными множествами. Множество же (ныне часто именуемое классом), которое не имеет вне себя никаких иных множеств, множество всех множеств, включающее в себя множество всех своих подмножеств, он назвал актуальным абсолютно бесконечным множеством.

Иными словами: автореферентные объекты, являющиеся элементами самих себя, в науке, в строгом ее смысле, в науке, использующей математику, не допустимы. Гегель

работает именно с автореференцией, с категорией, отражающей абсолютное множество – субстанцию, включающую в себя и саму эту категорию в снятом виде. Эту категорию Абсолютного, которая содержит в себе все остальные категории, как в зародыше, а также формы, в которые в процессе развития отливается категория Абсолютного, Гегель назвал «бесконечным понятием» (в «Феноменологии духа» используется термин «бесконечное суждение»).

Именно актуальные абсолютно бесконечные множества порождают парадоксы, поскольку к ним не применима логика Аристотеля. Ибо та требует, чтобы для любого понятия A существовало его отрицание $\text{не-}A$, не пересекающееся с A , лежащее вне A . Но Абсолютное не имеет вне себя ничего, что можно было бы назвать не-Абсолютное . Отрицание Абсолютного может совпадать только с самим Абсолютным, но в иной, измененной форме. В логике Абсолютного справедливо: $A = \text{не-}A$, но отрицание здесь не имеет никакого отношения к отрицаниям в логике Аристотеля, это абсолютное отрицание, простое *не* (*Nichts*), как говорит Гегель. Оно порождает движение, меняя формы Абсолютного.

Понятно, здесь мы отказываемся от закона запрета противоречия, что, очевидно, может вести к разрушению системности познания. Чтобы этого не произошло, Гегель компенсирует свободу от непротиворечивости ужесточением требования к закону исключенного третьего. Этот закон также упраздняется, на его место заступает более жесткий – закон исключенного второго. Таким образом, философский дуализм, постулирующий альтернативу «либо материя, либо сознание» заменяется философским монизмом: «субстанция, и ничего вне субстанции».

Ленин о логике Гегеля

Ленин подчеркивает, что исследование гегелевской логики потребует еще немалых усилий. При этом он особо заостряет внимание на чисто логическом аспекте: «Логика Гегеля нельзя применять в данном ее виде; нельзя брать как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей: это еще большая работа» [6, с. 238].

Ленин осознает, что материализм марксизма необходимо развивать в сторону философского монизма. Он пишет: «...надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений» [6, с. 142]. Ленин также понимает, что для анализа категорий требуется иная, неизвестная человечеству логика: «...вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий ...» [6, с. 230]. Эти два момента – расширение категории материи до категории субстанции, до философского монизма, и разработку логики монизма – следует рассматривать как указание к дальнейшему развитию материалистической диалектики.

Заключение. Изучая мышление как высшую форму движения материи, понятой, как субстанция, мы изучаем наиболее общие свойства и закономерности материи. Изучаем материю, данную ей самой в форме мышления, без посредничества органов чувств.

Понимание мышления как продукта развития материи, несущего в себе все ее свойства и законы в снятом виде, дает нам основание причислять Гегеля к наиболее последовательным материалистам в истории философии, несмотря на архаичный язык философа.

Здесь стоит напомнить известный афоризм Маркса: анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны. Впрочем, подобные мысли мы находим уже в древности.

Признание истинного Гегеля – еще впереди. И оно придет не от философов, а от логиков. Когда мысль человеческая осознает, что Гегелем создана логика материи, тогда эта мысль получит теоретический инструмент для сознательного преобразования общества, тогда можно говорить о коммунистической партии, вооруженной действенной теорией, и говорить о революции, ведущей в коммунистическое движение.

Революционная теория предшествует революционному действию. И такая теория есть. Ее нужно только понять, овладеть ею и развить ее до нужд революционной практики.

Литература:

1. Аристотель. Физика // Сочинения в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Пер. Б.Г. Столпнера // Сочинения в 14 т. Т. 6. М.: Соц-экгиз, 1939. 458 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Пер. Б.Г. Столпнера // Сочинения в 14 т. Т. 5. М.: Соц-экгиз, 1937. 814 с.
4. Кантор Г.М. Труды по теории множеств / Под ред. А.Н. Колмогорова, А.П. Юшкевича. М.: Наука, 1985. 430 с.
5. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. А.В. Кезина. URL: <http://kant.narod.ru/carnap.htm>
6. Ленин В.И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. Т. 29. 782 с.

References:

1. Aristotel'. Fizika // Sochinenija v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1981. 613 s.
2. Gegel' G.V.F. Nauka logiki / Per. B.G. Stolpnera // Sochinenija v 14 t. T. 6. M.: Socjkgiz, 1939. 458 s.
3. Gegel' G.V.F. Nauka logiki / Per. B.G. Stolpnera // Sochinenija v 14 t. T. 5. M.: Socjkgiz, 1937. 814 s.
4. Kantor G.M. Trudy po teorii mnozhestv / Pod red. A.N. Kolmogorova, A.P. Jushkevicha. M.: Nauka, 1985. 430 s.
5. Karnap R. Preodolenie metafiziki logicheskim analizom jazyka / Per. A.V. Kezina. URL: <http://kant.narod.ru/carnap.htm>
6. Lenin V.I. Filosofskie tetradi // Polnoe sobranie sochinenij. T. 29. 782 s.

Сведения об авторе

Михаил Иванович **Белоногов**, приборист, ОАО «Томскнефть» (Югра, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 101.2

ФИЛОСОФИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: УТВЕРЖДЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В.В. Беляров, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия), e-mail: belyarov-valerii@mail.ru

Аннотация. Автор представляет возможности философии и революции как средств утверждения достоверности существования. В этом качестве они предстают неотличимыми друг от друга. Философское творчество в целом и любые социальные изменения рассматриваются с антропологической точки зрения.

Ключевые слова: революция, гражданское общество, правовое государство, конституция, общественные организации, периодическая печать.

PHILOSOPHY AND REVOLUTION: AN ASSERTION OF EXISTENCE'S AUTHENTICITY

Abstract. The author presents the possibilities of philosophy and revolution as a means of asserting authenticity and existence. As such they appear indistinguishable from each other. Philosophical creativity in general and any social changes are treated from the standpoint of anthropologism.

Keywords: philosophy, revolution, problem, authenticity of existence, anthropologism.

Человек, занимающийся философией, обречен большую часть времени тратить на то, чтобы пытаться решить уже известные проблемы. Однако все, что есть в его занятиях философского, связано с теми более или менее редкими часами, когда он проблему ищет, и теми исключительными мгновениями, когда он проблему обнаруживает. Как только проблема найдена, собственно философскую часть творческой задачи можно считать свершившейся. До следующего неверного случая. Путь к проблеме в философии открыт; как справедливо сказал В.И. Вернадский, «философская истина всегда может быть подвергнута сомнению свободной ищущей личностью» [1, с. 325].

Недаром К. Маркс изменил образ философа, принятый Сократом. Методологически непререкаемый философ-повитуха в одной из статей молодого Маркса удачно заменен образом философии-роженицы, которая тревожно прислушивается к первому крику ребенка. При этом Маркс вменял философии порождение «пожара идей» [3, с. 106]. Таким образом, рациональная отстраненность постороннего практикующего профессионала была заменена образом непосредственно участливой, замороженной матери. Искусно поддержанная практика опосредованного, окольного пути к истине у Маркса стала практическим актом выхода плода, о начале жизни которого заявлено пронзительным криком. Маркс противопоставляет повседневную аскезу философии вторжению мирской провокации, призванной придать философии практическое значение.

Чрезвычайно жизненный крик противников оглашает рождение философской идеи, которой еще не коснулись никакие сдерживающие факторы. В этом смысле Маркса дейст-

вительно можно считать предшественником Ф. Ницше, что, в связи с некоторыми спорными трактовками комментаторов, опровергает, например, Т.И. Ойзерман [5, с. 79, 142]. Думается, тут вполне различимо совпадение между нечаянной сменой образа сократовского философа у Маркса и падением кумиров у Ницше. Дело не только в том, что рациональной волоките Сократа каждый из них по-своему дал жизнь. И не только в том, что они оттолкнули методологию вызывания и принятия родов, поскольку собственно роды важнее. Дело в том, что случай рождения сам по себе создает прецедент для «философии жизни». Рождение и смерть – два ее основных, программных принципа.

Но сейчас мы, в первую очередь, вспомним о том, что самим событием рождения идеи, или проблемы, ее канун переводится в канон. Другими словами, своим рождением философская идея создает свою легитимность. Это чисто революционная характеристика философии. Революция не считается революцией, если она считается с прежними установлениями. И, вместе с тем, она неизбежно стремится канонизировать свои свершения. Ницше, как истый революционер от философии, находит в этой цикличности проблему. Он говорит о философах: «Ничто из существующего в мире не выходило из их рук живым» [4, с. 163].

Действительно, в продолжительных промежутках дело философа походит на работу служащего учреждения по чрезвычайным ситуациям: в этом министерстве всегда заняты решением одних и тех же, повторяющихся проблем. Таким образом, само соотношение между творческим процессом решения давно найденных загадок, с одной стороны, и личностным моментом философского откровения, с другой, давным-давно является тривиальной, но не теряющей остроты проблемой.

В связи с характерным образом философских идей-всполохов можно было бы говорить о предшествовании Маркса и в исповедании недискурсивности философского концепта [2, с. 29]. С другой стороны, это стало бы явной натяжкой. В той же самой газетной статье, как и во всем дальнейшем творчестве, он опосредует философию условиями конкретного исторического времени и справедливо утверждает полное соответствие духа, строящего железные дороги, духу, строящему философские системы [3, с. 105]. Мы сводим эти два видения воедино и получаем следующее. «Строящий» дух должен то и дело сливаться и соответствовать определенному характеру общественных отношений. Если революция, скажем, вводит новые общественные отношения, то стимул, вдохновитель или творящий дух и у путеукладчика, и у философа совершенно одинаково изменится сообразно исторической реальности. Сохранится одинаковая сущность творящего духа для разных видов деятельности.

Сомнение вызывает то, что, при сохранении однородности для всех индивидов в пространстве, этот определяющий поведение дух оказывается неоднородным во времени. Критикующие антропологизм философские направления предлагают думать, что в жизни людей есть что-то противоречащее природе человека. Марксистская критика антропологизма выразилась, в частности, в догмате об извращенной социальной реальности. Ее, посредством революции, можно сделать гармоничной природе человека, знанием о которой марксисты располагали, видимо, в достаточной мере, когда стремились так соответствовать ей.

Что же можно сказать с точки зрения того антропологизма, какой никогда серьезно не претендовал на исчерпывающее знание человеческой природы и, соответственно, не составлял проектов по изменению того, чего не знает?

Во-первых, любая социокультурная реальность призвана служить приютом, где с сиротами обращаются по-разному, но всегда и всюду как с лишенными иной возможности существовать. Во-вторых, ни революция, ни философия, ни революция в философии не могут поменять этого удручающего антропологического положения об индивиде. Однако, в-третьих, такая немощь уравнивает шансы философии и революции во всех, кстати, их значениях, в перспективе утверждения индивидом достоверности своего существования.

Нужда в избегании условий недостоверности существования возникла в исходных обстоятельствах антропогенеза, судить о которых полагается только на основании результатов развития, не внесших, однако, никаких изменений в общий план избавления от этой нужды. Всякая социальная или социально-экономическая эффективность, в частности, остается скверным прибежищем самосознания, стяжающего достоверность существования. Однако никакие иные сценарии утверждения достоверности не становятся пригодными для существования человека. Обреченность сглаживается куражом социально направленного занятия, который может быть признан эпитетом, достаточно характеризующим стремление человека утвердить свою достоверность. События революции и редкие мгновения философского обнаружения проблемы остаются, пожалуй, одними из самых очевидных подтверждений необходимости данного куража, данного для жизни.

Литература:

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 576 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
3. Маркс К. Передовица в № 179 «Kolnische zeitung» / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955. 699 с.
4. Ницше Ф. Падение кумиров, или О том, как можно философствовать с помощью молотка // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5 / Пер. с нем. Ю. Антоновского, Я. Бермана, В. Вейнштока и др. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 416 с.
5. Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 599 с.

References:

1. Vernadskij V.I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie // Biosfera i noosfera. – M.: Ajrispress, 2008. – 576 s.
2. Deljoz Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofija? / per. s fr. S. Zenkina. M.: Akademicheskiy Proekt, 2009. 261 s.
3. Marks K. Peredovica v № 179 «Kolnische zeitung» / Marks K., Jengel's F. Sochinenija. 2-e izd. T.1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1955. 699 s.
4. Nicshe F. Padenie kumirov, ili O tom, kak mozžno filosofstvovat' s pomoshh'ju molotka // Sbranie sochinenij: V 5 t. T. 5 / Per. s nem. Ju. Antonovskogo, Ja. Bermana, V. Vejnshtoka i dr. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 416 s.
5. Ojzerman T.I. Vozniknovenie marksizma. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2011. 599 s.

Сведения об авторе

Валерий Владимирович **Беяров**, ассистент кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 168

НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Ю.И. Борсяков, Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия), e-mail: bui965@yandex.ru.

Аннотация. В статье анализируются проблемы оснований современного научного знания, рассматриваются эталоны научности. Автор показывает, что с расширением феномена научной рациональности происходит перестройка в основаниях науки, эти процессы приводят к возникновению и развитию научных революций. Раскрывается необходимость новых подходов к пониманию сущности научных революций в эпистемологии и теории познания.

Ключевые слова: научная революция, философские основания науки, рациональность.

SCIENTIFIC REVOLUTIONS AND THEIR PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS

Abstract. The article analyzes the problems of the bases of a modern scientific knowledge, examines the scientific standards. The author shows that the expansion of the phenomenon of scientific rationality is changing the foundations of science, these processes lead to the emergence and development of scientific revolutions. It reveals the need for new approaches to understanding the essence of scientific revolutions in epistemology and theory of knowledge.

Keywords: scientific revolution, philosophical foundations of science, rationality.

Историчность разума, историчность типов научной рациональности приводит к революциям в научном познании. На рубеже веков происходит самая масштабная научная революция. Меняется способ видения реальности, изменяются основания науки, стиль научного мышления, идеалы и нормы научного познания. Синергетика становится ведущей методологической установкой в объяснении и понимании открытых сложноорганизованных систем, где смыслообразующим элементом выступает сам человек, он становится непосредственным участником текущих событий. Объективное описание реальности возможно только с включением ценностной составляющей познания [4, с. 13–30]. Научный идеал ценностно-нейтрального знания оказывается абстрактной гносеологической моделью, неприемлемой на современном этапе развития науки. «Принципиальное преодоление в середине XX века парадигмы "понимание есть отражение" и соответственно формирование новой эпистемологии вместо классической теории познания породило необходимость пересмотра многих понятий и в целом самого познания...» [3, с. 7]. Такие преобразования приводят к революционным изменениям оснований и предпосылок научного познания, меняют философско-мировоззренческие ориентиры ученого. Подвергается критике отождествление научной рациональности с «чистым разумом», «мышлением как таковым».

Проблемами, возникающими сегодня в теории познания, в философской эпистемологии, философии науки, был серьезно озадачен в первой половине XX века Э. Гуссерль. В своих работах он подверг критике позитивистскую установку, дал глубокий анализ ее смыслу и связанным с ней опасностям. Анализ этой методологически-мировоззренческой

позиции, ее истории, смыслу и связанным с нею опасностям посвящена работа Э. Гуссерля [1].

У Гуссерля оказались четко разведенными производство знания как индивидуальный процесс и его превращение в традицию как процесс социальный. Традиция выступает у Гуссерля как социальное измерение бытия науки. И как таковая она противопоставлена наполненным смыслом и очевидностью актам, протекавшим в сознании протогогеометра.

Гуссерлевское обращение к проблеме научной традиции можно рассматривать как симптом глубоких изменений в понимании науки, происходивших в философии. В ней начинает осознаваться и постепенно выходить на первый план социальное измерение науки. Концепция Гуссерля интересна тем, что показывает, каким образом социальное бытие научного знания влияет даже на его содержание. В гуссерлевском обсуждении проблемы геометрической традиции можно увидеть указание на глубочайшие трудности, с которыми должно было бы столкнуться рационалистическое сведение фундамента научного знания к рациональной интуиции.

Признание конвенционального характера эмпирического базиса науки, вероятности, но не достоверности признаваемых в науке утверждений, их временного и предположительного характера, сопровождаемое признанием социального характера научного познания, признанием роли научных традиций, влияния отношений авторитета и власти на признание научным сообществом тех или иных теорий и гипотез – все это не просто дополняет, уточняет или развивает классическую гносеологию, но полностью ее разрушает. Проблема обоснования знания путем сведения его к абсолютно достоверному основанию, которая была центральной для классической гносеологии, теряет смысл. Это влечет за собой настоящую перестройку всех постановок вопросов и ориентиров исследования в гносеологии.

Вопросы, обсуждаемые современной философией науки, касающиеся, например, характера конвенций, определяющих эмпирический базис или теоретические языки, сложных взаимодействий и переплетений интересов, вовлекаемых в признание той или иной гипотезы и теории, о роли вненаучных ценностей и ориентиров, социальных факторов и т.п., – такого рода вопросы также не могут рассматриваться как обогащение классической гносеологии. Они предполагают ее полную деконструкцию, чем и занималась философия науки, начиная с позитивизма, а особенно активно – постпозитивизмом.

Суть структурных сдвигов, происходящих в современной науке, может быть определена как переход от стратегии преимущественного дисциплинарного, предметно-фундаменталистского развития научного познания к проблемно-ориентированным формам научного исследования. Изменяется и характер решаемых современной наукой проблем: во все большей степени это оказываются комплексные проблемы, имеющие фундаментальную социально-практическую и социально-культурную значимость. Соответственно, увеличиваются объемы, удельный вес и спектр комплексных междисциплинарных научных исследований.

Вопрос о новом, наиболее адекватном эталоне научности еще открыт. Однако в соответствии с имеющейся достаточно стойкой тенденцией подобные образцы отыскивают, прежде всего, в таких областях знания, в которых наиболее ощутимо воздействие социокультурных факторов. Поиск такого рода эталонов идет в общем русле гуманитаризации науки.

Эти соображения заставляют еще глубже осознать качественную определенность и несводимость основных форм и идеалов научности. Поэтому формирование новых идеалов не может и не должно приводить к их односторонней монополии, затрудняющей возможности научного познания реальности в иных перспективах и срезях. Единство научного знания достигается не полаганием одного его вида за счет другого, но на пути полного развития всех его типов и соответствующих идеалов научности.

Какой бы эфемерной и трудноуловимой не выступала тенденция к единству и интеграции знания в системе наук, роль и значение самой идеи единства в развитии научного знания трудно переоценить. Не всегда, приобретая зримые формы и очертания, она оказывается важной регулятивной идеей (в кантовском смысле этого слова) познавательной деятельности ученых. Единство всегда выступало идеалом, направляющим усилия исследователей в процессе научного познания. Особенно заметна роль такого идеала в рамках отдельной научной дисциплины.

Близкие проблемы, касающиеся теории, находят свое отражение в непрекращающихся поисках методологической модели научной теории, способной выступить адекватной реконструкцией особенностей генезиса, строением и содержанием этой формы организации знания. В методологии физического познания в качестве такой реконструкции выступает гипотетико-дедуктивная модель [2, с. 497–516]. Известно, однако, какую эволюцию совершила эта модель с момента ее выдвижения. Англо-американская философия науки вынуждена была отказаться от так называемой «стандартной» интерпретации синтетико-дедуктивной модели организации знания, согласно которой естественнонаучная теория является аксиоматическим исчислением, термины которого приобретают смысл только посредством эмпирической интерпретации. Вместе с тем, очевидно, что процесс формирования законов и теорий не может быть реконструирован и как простое соединение, аддитивность рядоположенных эмпирических данных или полуэмпирических закономерностей. Синтез всегда связан с вычленением немногих основных положений, всегда предполагает упрощение, и в этом неокантианцы правы. Но это упрощение не означает обеднения. Напротив, в процессе синтеза происходит именно интеграция – восстановление, реконструкция исследуемого объекта или явления в его целостности, достижение единства в многообразии. В процессе такой интеграции вычленяется общая основа и каждое отдельное явление, описываемое и объясняемое теорией или законами, выступает как некоторое конкретное проявление этой общей основы. В теориях роль такой основы играет идеализированный объект (материальная точка классической механики, электромагнитное поле и его характеристики классической электродинамики и т.п.) и те теоретические допущения, постулаты и аксиомы, которые характеризуют поведение идеализированного объекта. Теоретическая основа концептуальной системы служит фундаментом для выдвижения (путем мысленного экспериментирования с идеализированным объектом) совокупности теоретических утверждений, описывающих весь массив известных эмпирических данных.

Отметим, что современные науки сильно прогрессировали. Это относится не только к естественным наукам, но и к так называемым гуманитарным. Противоположность между этими двумя типами наук стала, однако, в значительной степени условной. И в отношении конструктивных условий, определяющих оба вида научной деятельности, даже позволено говорить о «науке» в единственном числе.

Тем не менее, теория или философия науки еще понимается большей частью как философия естествознания, а естествознание рассматривается в качестве образца науки вообще. Несмотря на то, что за последние три десятилетия гуманитарные науки приобрели тоже свою «теорию» – в качестве специальной методологии, нацеленной на прояснение и освещение их фундаментальных понятий, процедур и логической структуры их доказательств, вопрос об источниках, корнях и началах науки вообще не получил ясного и недвусмысленного ответа.

Более того, науки не являются теоретическими системами высказываний, не являются они и просто гипотезами, подлежащими подтверждению или опровержению путем наблюдений и экспериментов. Ибо они неуклонно детерминируют, изменяют и видоизменяют не только наш интеллектуальный мир, но и наш социальный, экономический и политический мир. И это быстрорастущее практическое влияние наук заставляет современную философию все более и более вовлекать в оборот социально-экономические и этические проблемы, порождаемые этими науками, а не только когнитивные проблемы, рассмотрение которых имеет больше теоретическую ценность. Тем более, что одновременно с картиной мира радикально меняются не только идеалы, нормы и ценности науки, но и ее философские основания. Эти изменения, как известно, оказывают влияние на философские основания, создают условия для будущих научных революций.

Литература:

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.
2. Князев В.Н. Физическая реальность и современные концепции науки // Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной: сб. ст. / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 497–516.
3. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
4. Степин В.С. Научная рациональность в историческом измерении // Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной: сб. ст. / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 13–30.

References:

1. Gusserl' Je. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija. SPb.: Vladimir Dal', 2004. 400 s.
2. Knjazev V.N. Fizicheskaja real'nost' i sovremennye koncepcii nauki // Filosofija poznanija. K jubileju Ljudmily Aleksandrovny Mikeshinoj: sb. st. / pod obshh. red. T.G. Shhedrinoj. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 497–516.
3. Mikeshina L.A. Dialog kognitivnyh praktik. M.: ROSSPJeN, 2010. 575 s.
4. Stepin V.S. Nauchnaja racional'nost' v istoricheskom izmerenii // Filosofija poznanija. K jubileju Ljudmily Aleksandrovny Mikeshinoj: sb. st. / pod obshh. red. T.G. Shhedrinoj. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 13–30.

Сведения об авторе

Юрий Иванович **Борсяков**, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 141.2

«КОПЕРНИКАНСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ИММАНУИЛА КАНТА КАК ИНТЕРНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ В.А. КУТЫРЁВА «ПОСЛЕДНЕЕ ЦЕЛОВАНИЕ. ЧЕЛОВЕК КАК ТРАДИЦИЯ»)

Ю.К. Волков, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru.

Аннотация. В публикации, основанной на материалах книги В.А. Кутырёва, представлена критика презентистской интерпретации кантианского поворота в философском сознании как революционного фактора формирования идеологии и практики техногенной цивилизации.

Ключевые слова: «коперниканская философская революция», интернализм, презентизм, основной вопрос философии, трансцендентализм, кумулятивизм.

«COPERNICAN'S PHILOSOPHICAL REVOLUTION» OF IMMANUIL KANT AS THE INTERNAL FACTOR OF THE IDEOLOGICAL TRANSFORMATIONS (BASED ON THE BOOK BY V.A. KUTYREV «THE LAST KISS. HUMAN AS A TRADITION»)

Abstract. In the publication based on the materials of the book V.A. Kutyrev the criticism of the presentists interpretation of Kantian turning in the philosophical consciousness as the revolutionary factor of the formation of ideology and practice of technogenic civilization is represented.

Keywords: «Copernicans philosophical revolution», internalism, presentism, a basic question of philosophy, transcendentalism, cumulativism.

В 2015 г. из печати вышла очередная книга нижегородского философа Владимира Александровича Кутырёва под красивым и символическим названием «Последнее целование. Человек как традиция» [4]. В своём новом произведении автор, продолжая тему сохранения оснований традиционного мировоззрения, обращается, в том числе, к проблеме революционных изменений в истории философской мысли. Именно с точки зрения революционизирующего воздействия кантианских идей на содержание философской картины мира мы попытаемся коротко оценить основное содержание одного из разделов нового произведения В.А. Кутырёва, закрепляя, по мере своих скромных возможностей, тенденцию к росту числа полемических работ, написанных на материале книг нижегородского гуманитария [1; 3; 6; 8].

Начинается текст первого параграфа первой главы книги В.А. Кутырёва с философско-исторического утверждения, констатирующего, что «все великие империи распались из-за внутреннего нестроения» [4, с.19]. Вместе с тем, чтобы понять внутренние причины распада «имперской» метафизики и появления идеологии техногенной цивилизации, автор предлагает рассматривать её не полностью интерналистски, но одновременно акцентируя

внимание на социальных факторах развития специальных форм духовной культуры [4, с. 19–20].

С этой точки зрения началом новой постмодернистской динамики философии, как считает В.А. Кутырёв, стал перенос акцентов с онтологии на гносеологию. По мнению автора книги, персональную ответственность за этот рубежный философский поворот несёт И. Кант, который в своей критической философии, определив мир как «вещь в себе», фактически «отказался от мира» [4, с. 20].

На наш взгляд, в приведённых оценочных суждениях автора, в большей степени, проявляется не суть самого автохтонного Канта, но, скорее, презентистское авторское резюме идейной основы концепции основоположника классической немецкой философии.

Возможно, для современных интерпретаций расширительно понимаемой истории философии, действительно, лучше подходит презентизм, а не антикваризм [2, с. 24]. Однако связывать концепцию ноумена и «вещи в себе» Канта с ещё не возникшей идеологией постмодернизма, на наш взгляд, все-таки не вполне корректно.

Вызывает сомнение категоричность однозначно негативной оценки субъектно-объектной структуры кантовской антропологии как возможности отказа от признания независимости объективного мира. Субъектно-объектная структура действующего и познающего мир и самого себя субъекта не только не исключает, но, напротив, предполагает опредмечивание («умирание») субъективного в ставших независимыми от субъекта результатах его целенаправленной активности.

Что же касается утверждения о снятии проблематики основного вопроса философии в деятельностной гносеологической схеме «субъект–объект», то на эту тему, на наш взгляд, достаточно аргументированно высказался А.Л. Никифоров [5, с. 81–95].

Несмотря на «революционную» самооценку кёнигсбергским мыслителем своей философской критики метафизического «догматизма», апология наделённого разумом и познающего мир субъекта, сомневающегося при этом в реальности существования самого мира, в европейской культуре, наверное, все-таки начинается с картезианского «когнитологического поворота». Не случайно, заочные оппоненты В.А. Кутырёва – Ж. Деррида и Ж. Делёз целенаправленно обращаются именно к Декарту в связи с разработкой новой когнитологической модели философии.

Оценив кантовский проект субъективации объективного как революционизирующий внутрифилософский фактор, дальнейшую утрату субъектно-объектной связки и деонтологизацию субъекта, автор «Последнего целования» связывает уже с философией позднего позитивизма и критического рационализма, где, по его словам, гносеология полностью де-субъективируется, а её функции принимают на себя пока ещё философская эпистемология и уже нефилософская философия науки [4, с. 21]. В контексте подобных утверждений опять-таки не совсем понятен выбор философской системы И. Канта в качестве первоначального средства разрушения метафизики.

Однако, несмотря даже на столь негативную оценку философии науки, связанную с её мнимофилософским статусом, главным объектом критики В.А. Кутырёва выступает понятие когнитивность, которое, в свою очередь, генетически связано с термином трансцендентальность. Сфера практического использования когнитивизма, как считает автор «Последнего целования», – это последняя форма словесной формализации, которая сохранится до тех пор, пока задачи машинам будет ставить человек [4, с. 25]. Сказано, как всегда у В.А. Кутырёва, ярко, образно, эмоционально. Но, вместе с тем, слишком категорично

без учёта всех известных фактов, выступающих контраргументами выдвинутого тезиса. Например, если согласиться с основными положениями теории «языковых игр», то тогда следует признать принципиальную невозможность создания какого-либо метаязыка, в котором существуют постоянные языковые смыслы, доступные любым, в том числе, машинным аналогам человеческого мышления.

Следующая центральная проблема книги относится к описанию того, что произошло в современной философии и культуре в целом с противоположностью «материализм–идеализм». Как отмечает В.А. Кутырёв, «судьбы» материализма и идеализма сложились по-разному. Если у материализма в современной философии не осталось преемников, то у идеализма есть такие претенденты на его теоретическое наследство – это понятия трансцендентальное и виртуальное [4, с. 29].

На наш взгляд, такая авторская оценка исторического и современного материализма не отражает действительного положения дел. Прежде всего, потому, что не очень ясно, о каком материализме идет речь. Современная философская онтология, активно привлекая материал из области логики, семиотики, психологии, эстетики, полностью не отказалась от традиционной онтологической проблематики [7]. Кроме того, в нашей философии и философии бывших советских республик сохраняется довольно прочная линия последователей школы диалектического и исторического материализма.

Видимо, категорическое утверждение о безвозвратной «кончине» материализма в данном контексте понадобилось автору для того, чтобы провести такую же аналогию с трагической судьбой прежних разновидностей «обыкновенного» идеализма, на смену которым пришёл идеализм трансцендентальный [4, с. 30].

Результаты и последствия этого гносеологического перехода, приведшие к радикальным изменениям в картине мира, автор книги вновь связывает с персоной Канта, называя его одновременно «заказчиком и прямым убийцей Духа» [4, с. 32].

Разумеется, провоцирующее читателей своей эпатажностью высказывание не означает, что Иммануил Кант, действительно, нуждается в защите от обвинений в каких-то «философских преступлениях». Подобный поворот темы привел бы нас к фантазиям в духе известного сюжета из «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова. Тем не менее, часть обвинений с кёнигсбергского философа, на наш взгляд, всё же следует снять. Прежде всего, это обвинение Канта в том, что именно ему принадлежит связанная с принципом априорности и понятием трансцендентальности идея возможных миров, разработкой которой философы занимались до и после Канта (Г. Лейбниц, А. Шопенгауэр).

Таким образом, идущая от Канта общая линейная схема поэтапной «смерти метафизики» выглядит у В.А. Кутырёва следующим образом. Сначала произошло отделение гносеологии от онтологии, затем из гносеологии выделилась эпистемология, которая далее трансформируется в квазифилософскую философию науки и нефилософскую наукологию и, наконец, трансценденталистскую, по своей сути, когнитологию [4, с. 24–25].

Разумеется, предложенная общая схема, как и любая другая философская гипотеза, не может быть опровергнута сама по себе в силу своей умозрительности и всеобщности. Однако точно также она не может быть доказана целиком во всей полноте своих единичных проявлений. Фальсифицируется же эта и другие подобные ей гипотезы-тенденции путем отыскания эмпирических контрпримеров индуцируемого множества.

Сказанное ещё раз подтверждает принципиальное безразличие теоретической философии к конкретным историко-философским фактам и их историческим

интерпретациям, напоминающее связь эмпирических измерений конкретных объектов с геометрическими теориями. Видимо, для понимания причин трансформации философского сознания более всего подходит кумулятивистская, но не революционная модель его развития и умеренно интерналистская трактовка объяснения степени взаимовлияния философии и общества.

Литература:

1. Беляев В.А. О философском блокбастере В. Кутырева «Бытие или Ничто» // Философские науки. 2011. № 4. С. 151–157.
2. Гиренок Ф. Археография наивности // Философия наивности / Сост. А.С. Мигунов. – М.: Изд-во МГУ, 2001. 384 с.
3. Гуревич П. Приключения человеческой протоплазмы // Философская антропология. 2015. Т. 1. №2. С. 4–19.
4. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. 312 с.
5. Никифоров А.Л. Природа философии: Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
6. Розин В.М. Рец. на кн.: Кутырёв В.А. Бытие или Ничто // Вопросы философии. 2011. №2. С. 182–187.
7. Смит Б. Логика и формальная онтология // Husserl's Phenomenology, ред. J. N. Mohanty и W. McKenna, Lanham: University Press of America (1989), 29–67. URL: [http://www:nounivers.narod.ru/gmf/lfo.htm](http://www.nounivers.narod.ru/gmf/lfo.htm). (Дата обращения: 04.08.2015).
8. Фатенков А.Н. В споре о человеческом уделе: феноменологический реализм против постмодернизма (Полемический отклик на монографии В.А. Кутырёва) // Мир человека: Нижегородский философский альманах. Вып. 4(7). Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012. С. 222–238.

References:

1. Beljaev V.A. O filosofskom blokbastere V. Kutyreva «Bytie ili Nichto» // Filosofskie nauki. 2011. № 4. S. 151–157.
2. Girenok F. Archeografija naivnosti // Filosofija naivnosti / Sost. A.S. Migunov. – M.: Izd-vo MGU, 2001. 384 s.
3. Gurevich P. Prikljuchenija chelovecheskoj protoplazmy // Filosofskaja antropologija. 2015. T. 1. №2. S. 4–19.
4. Kutyryov V.A. Poslednee celovanie. Chelovek kak tradicija. SPb: Aletejja, 2015. 312 s.
5. Nikiforov A.L. Priroda filosofii: Osnovy filosofii. M.: Ideja-Press, 2001. 168 s.
6. Rozin V.M. Rec. na kn.: Kutyryov V.A. Bytie ili Nichto // Voprosy fi-losofii. 2011. №2. S. 182–187.
7. Smit B. Logika i formal'naja ontologija // Husserl's Phenomenology, red. J. N. Mohanty i W. McKenna, Lanham: University Press of America (1989), 29–67. URL: <http://www:nounivers.narod.ru/gmf/lfo.htm>. (Data obrashhenija: 04.08.2015).

8. Fatenkov A.N. V spore o chelovecheskom udele: fenomenologicheskij realizm pro-tiv postmodernizma (Polemicheskij otklik na monografii V.A. Kutyrjova) // Mir cheloveka: Nizhegorodskij filosofskij al'manah. Vyp. 4(7). N. Novgorod: NIU RANHiGS, 2012. С. 222–238.

Сведения об авторе

Юрий Константинович **Волков**, доктор философских наук, профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 316:1

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ БОЛЕЗНИ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Н.Е. Галочкина, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: galonatasha@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика взаимосвязи научно-технических революций и болезней. Выделяются два взаимообусловленных процесса, которые объективны а priori: негативное влияние техногенной цивилизации на состояние здоровья человека и его попытки с помощью технических инноваций устранить болезнь.

Ключевые слова: научно-техническая революция, болезнь, вариабельность, развитие, биологическая и общественная материя, биосфера, техносфера.

MAN IN THE FACE OF DISEASE IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL REVOLUTION

Abstract. The article deals with the specifics of the relationship of science and technology revolutions and diseases. There are two interdependent processes, which are objective a priori: the negative impact of industrial civilization on human health and its attempts through technical innovation to eliminate the disease state.

Keywords: scientific and technological revolution, disease, variability, development, biological and social matter, the biosphere, the technosphere.

Общая направленность мироощущения, во многом, трансформируется, когда человек оказывается перед лицом болезни. Заключая в себе деструктивные естественные метаморфозы телесной материи человеческого существа, экспликации болезни приобретают всё большую вариабельность по мере развития и усложнения человеческого общества. Отправной точкой возникновения наиболее тяжёлых, специфических форм заболеваний можно считать научно-техническую революцию, так как именно в это время биологическая и социальная сущность человеческого существа вступает в фазу острого противоречия. Складывается парадоксальная ситуация: технические революции оказывают негативное влияние на состояние здоровья, но, благодаря их достижениям, многие болезни излечимы.

Изучением воздействия научно-технической революции на возникновение патологических процессов и болезней учёные занимаются на протяжении достаточно длительного периода времени. Проблема противостояния естественного и социального, биосферы и техносферы с позиций философии анализируется в работах Н. Бердяева [10], В.А. Кутырева [7; 8]. Н. Бердяев в актуальной и наиболее глубокой по своей философии работе писал: «Техника отрывает человека от Земли, ...она наносит удар мистике материального начала» [10, с. 208]. В.А. Кутырев приходит к выводу, согласно которому «при достижении какого-то определённого уровня сложности мира, возникшего в результате человеческой деятельности, происходит его "отпадение" от своего творца» [7, с. 20]. В большей степени

проблеме воздействия технических инноваций на развитие заболеваний посвящены труды социологического, экологического и эпидемиологического характера в контексте взаимоотношений «человек–природа–общество», где отмечается геометрическая прогрессия количественно-качественных вариабельностей патологий и заболеваний по мере развития техногенной цивилизации [1; 2; 3; 9]. Д.К. Беляев ещё в прошлом столетии писал о том, что «пути филетической эволюции человека закрыты и что надежды на дальнейший прогресс *Homo sapiens* как биосоциального вида надо возлагать не на генетическое улучшение человека, а на всё более совершенствующуюся социально-экономическую структуру общества...» [2, с. 28]. Однако автор не учитывал всех негативных последствий развития искусственной, в особенности, техногенной среды.

Человек перед лицом болезни в условиях научно-технической революции и техногенной цивилизации – это в наивысшей степени актуальная дилемма, анализ которой поможет пролить свет на проблему соотношений и противоречий двух неотъемлемых элементов человеческой сущности – естественного и искусственного, где естественная материя в форме болезни рефлексирует на воздействие прогрессивной искусственной среды.

XX–XXI вв. ознаменовались тем, что эволюция жизни человека органически связана с усложняющимся техногенным общественным развитием. В данном контексте следует выделить как минимум два положения относительно влияния техногенного общества на здоровье человека: во-первых, биологическую природу антропа, в частности, негативное воздействие созданной им техносферы на развитие патологических процессов и заболеваний; во-вторых, попытки человека вернуть себе здоровье с помощью новых технологических средств. Эти два процесса носят взаимообратный характер и включают в себе как позитивные, так и негативные последствия для человеческого организма.

Согласно первому тезису, бесконечно усложняющаяся трудовая деятельность человека способствует научно-техническому прогрессу, но это оказывает деструктивное воздействие на состояние его здоровья. В.А. Кутырёв отмечает: «В XX в. сфера деятельности людей превысила сферу жизни, раздвинула её границы и стала определяться достигнутой мощностью разума» [7, с. 11]. В отношениях между человеком и природой произошла качественная метаморфоза, где жизнь человека теряет былую прочную связь с ритмом естественного мира. Наблюдается парадоксальный процесс: чем больше человек пытается установить свою власть над силами природы, преобразить её в результате своей деятельности, тем больше он от неё дистанцируется и ей противостоит. В итоге человек, как часть природы, вступает в жестокую борьбу с целым, т.е. с самой природой, пытаясь её абсорбировать, а это уже абсурдно *per se*. Фразу, высказанную Мефистофелем в произведении И.Ф. Гёте «Фауст» о том, что «спесь людская ваша с самомнением смелым себя считает вместо части целым» [4], как никогда можно отнести к современному техногенному обществу и его взаимодействию с природой.

Негативные последствия научно-технических революций для здоровья человека обнаруживаются спустя определённое количество времени после качественного скачка в науке. Это обусловлено тем, что ригидная биологическая материя человеческой эссенции обладает качеством «длительной реакции» на воздействия новых изобретений искусственной среды. Научно-техническая революция провоцирует специфический «скачок» в биологической, телесной субстанции человека, так как эксплицитными становятся в том числе и девиационные вариабельности её форм, заложенные *a priori* в «матрице» живой

материи. Конечным результатом подобного рода коллизий является непрерывно возрастающая количественно-качественная вариабельность патологий, угрожающая биологическому фундаменту человеческого существа и деструктивно воздействующая на развитие общества, приводящая к возникновению всё более сложных, зачастую неизлечимых современной медициной форм заболеваний. При этом между техническим прогрессом и развитием физических, психических, духовных способностей и потребностей человека наблюдается обратная пропорция [5, с. 22]. Возникает опасность трансформации генетического фонда, демографического дисбаланса, экологической катастрофы. Взаимодействие биологического и социального в сущности человека вступает в фазу противостояния. Оно детерминирует возникновение качественно иных по своей эссенции и уровню сложности патологических процессов, выражающихся в новых формах болезней, именуемых общим термином – «болезни цивилизации», т.е. «болезни человека, возникшие в результате издержек промышленной и научно-технической революций, сопровождающихся деформацией окружающей среды в результате разрушения естественных экосистем» [9, с. 48].

Человек, подобно «мотыльку», летит на свет научно-технического прогресса. Этот «огонь» не только «обжигает» человека, провоцируя новые заболевания в его природе, но и ведёт к гибели, к вырождению. «Человечество утратило инстинкт самосохранения» [9, с. 9]. Деструктивные последствия научно-технической революции, глобальный экологический кризис, трансформация биосферы в техносферу привели к тому, что «вытеснение человека из своего жизненного мира, его превращение из субъекта деятельности в фактор и агента подошло к порогу его ликвидации как уникальной формы жизни» [8, с. 170].

Самым парадоксальным здесь является то, что человек осознает всю опасность своей деятельности для здоровья, но подверженный объективным процессам развития общественной материи, он бессилён противостоять её негативному воздействию на состояние здоровья. Оказавшись перед лицом «болезней цивилизации», человек предпринимает попытки поиска альтернатив устранения неблагоприятного исхода своего влияния на собственную природу. Результатом этого становится его стремление найти панацею от новых, малоизвестных, сложных форм патологий и заболеваний. «Борьба с наиболее опасными заболеваниями – одна из глобальных задач человечества, поскольку является центральной в деле сохранения жизни» [9, с. 10]. Возникает парадоксальная ситуация. Панацея от «болезней цивилизации» обнаруживается благодаря научно-технической революции, когда совершенствуются медицинские технологии, применяются инновационные методы диагностики и лечения заболеваний. В то же время, препараты, созданные в лабораториях и предназначенные для лечения одних форм патологий, деструктивно воздействуют на здоровые системы организма, вызывая в них новые патологические процессы. Это побуждает человека искать иные средства для их устранения, которые провоцируют очередные малоизвестные тяжёлые патологии. Возникает своеобразный объективный «круговорот» биологических и социальных реакций в духе «вызова-ответа» на их взаимную трансформацию. Но подобное положение вещей не вызывает состояние апории. Напротив, болезни, в частности, есть условие и необходимость для научных открытий и революций в области естественных, технических наук, медицины и, наоборот. Это взаимное влияние объективно, априорно и способствует развитию как общественной, так и биологической материи.

Таким образом, научно-технические революции провоцируют появление новых форм патологий и заболеваний, что «вынуждает» человечество проводить исследования и совершать открытия, необходимые для их предотвращения. Научно-технические революции

выявляют сложность и многовариативность ликов болезни, но их достижения способны предотвратить возникновение заболеваний и вместе с тем спровоцировать новые вариации патологий. Такая взаимообусловленность выступает в качестве необходимости, придающей импульс развитию биологической и общественной материи.

Литература:

1. Агаджанян Н.А. Экология человека: здоровье и концепция выживания // Вестник РУДН. 2002. №1. С. 74–94.
2. Беляев Д.К. Проблемы биологии человека: генетические реальности и задачи синтеза социального и биологического // Природа. 1976. №6. С. 26–30.
3. Вульф Х.Р. История развития клинического мышления // Методология медицинских исследований. 2005. № 1. С. 12–20.
4. Гёте И. Фауст / Пер. Б. Пастернак. Вступительная статья и комментарии Н. Вильмонт. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust.txt> (дата обращения: 24. 02. 2016).
5. Изуткин Д.А. Потенциал здоровья человека в контексте его социально-биологической сущности // Медицинский альманах. 2009. № 1. С. 21–25.
6. Изуткин Д.А. Философия взаимосвязи образа жизни и здоровья: Монография. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. 204 с.
7. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 199 с.
8. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
9. Чижов А.Я. Современные проблемы экологической патологии человека: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 611 с.
10. Berdyaev N. Man and Machine // Philosophy and Technology. London, 1972. 350 p.

References:

1. Agadzhanjan N.A. Jekologija cheloveka: zdorov'e i koncepcija vyzhivaniya // Vestnik RUDN. 2002. №1. S. 74–94.
2. Beljaev D.K. Problemy biologii cheloveka: geneticheskie real'nosti i zadachi sinteza social'nogo i biologicheskogo // Priroda. 1976. №6. S. 26–30.
3. Vul'f H.R. Istorija razvitija klinicheskogo myshlenija // Metodologija medicin-skih issledovanij. 2005. № 1. S. 12–20.
4. Gjote I. Faust / Per. B. Pasternak. Vstupitel'naja stat'ja i kommentarii N. Vil'-mont. M.: Gos. izd-vo hud. lit-ry, 1960. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/GETE/faust.txt> (data obra-shhenija: 24. 02. 2016).
5. Izutkin D.A. Potencial zdorov'ja cheloveka v kontekste ego social'no-biologicheskoy sushhnosti // Medicinskij al'manah. 2009. № 1. S. 21–25.
6. Izutkin D.A. Filosofija vzaimosvjazi obraza zhizni i zdorov'ja: Monografija. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2005. 204 s.
7. Kutyrev V.A. Estestvennoe i iskusstvennoe: bor'ba mirov. N. Novgorod: Izd-vo «Nizhnij Novgorod», 1994. 199 s.

8. Kuttyrev V.A. Poslednee celovanie. Chelovek kak tradicija. SPb.: Aletejja, 2015. 312 s.
9. Chizhov A.Ja. Sovremennye problemy jekologicheskoy patologii cheloveka: Ucheb. posobie. M.: RUDN, 2008. 611 s.
10. Berdyaev N. Man and Machine // Philosophy and Technology. London, 1972. 350 p.

Сведения об авторе

Наталья Евгеньевна **Галочкина**, аспирант кафедры социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 316.4

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»: МЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ РОЛЬ В ОСМЫСЛЕНИИ ПРОБЛЕМЫ АНТЕНАТАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Ю.А. Исаева, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: l20009@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает, каким образом революционные прорывы в современных медико-биологических науках и формирующиеся в результате технологии продуцируют необходимость многоаспектной социальной рефлексии, охватывающей биопо-литику, общественные практики и требующей расширения наших представлений о человеке.

Ключевые слова: медицинские технологии, диагностические скрининги плода, антенатальное существование, биополитика.

TO BE OR NOT TO BE: MEDICAL TECHNOLOGIES AND THEIR ROLE IN ASSESMENT OF ANTENATAL EXISTENCE

Abstract. The main goal of paper is to show how contemporary medical technologies need multifaceted social reflection which is absolutely necessary in the constructing of biopolitics, some social practices and our perception of the human.

Keywords: medical technologies, fetal scan, antenatal existence, biopolitics.

Нынешний век ознаменован знаковыми революциями в медико-биологических науках, повлекшими за собой развитие и активное внедрение в систему здравоохранения разнообразных технологий в области диагностики и лечения болезней. Изучая социальные аспекты функционирования подобных технологий, многие исследователи размышляют о медиализации жизни и смерти, стремлении к контролю человеческой телесности, взаимодействию научного знания и обыденных представлений о функционировании организма и его аномалиях. При этом можно констатировать тот факт, что существует некая недостаточность в нашем понимании того, как медицинские системы воздействуют, с одной стороны, на систему здравоохранения и, с другой стороны, на повседневную жизнь, а также каким образом они сказываются на самоидентификации человека и его восприятии болезни и здоровья.

Как отмечают исследователи, в настоящее время медицинские технологии неразрывно связываются с продуцированием и распространением социальных надежд и чаяний [3, с. 12], сопряженных с извечным стремлением человечества избавиться от физических страданий и биологической предопределенности. Делая телесную оболочку прозрачной, вторгаясь в генетические коды, данные технологии нацелены на контроль не только существующего, но и предполагаемого. Стремясь достичь последнего как можно эффективнее, некоторые из них открывают и выписывают на карте человеческого существования новую область, раскинутую между настоящим и будущим, – пространство антенатального существования человека.

Что мы можем и что стремимся узнать об антенатальном существовании? При помощи каких образов или цифр способны его оценить? И, что немаловажно, как антенатальное существование кого-то, еще не наличествующего в явной форме здесь и сейчас, способно повлиять на жизнь отдельно взятых людей и общества в целом? Эти вопросы неизбежно возникают, когда речь идет об антенатальном скрининге. Рассматривая сокрытое под телесной оболочкой пространство, медицинские технологии описывают его, исходя из критериев биологической нормальности, основанных на статистических оценках. Они получают, пусть и редуцированную, информацию об антенатальном существовании того, кто может определяться нами как «плод», или «крупная девочка», или «активный мальчик». Это знание способно поставить нас перед ужасной дилеммой «быть или не быть» будущему человеку. Безусловно, ответ не может быть однозначным, но, анализируя результаты разнообразных исследований, направленных на изучение решений родителей, все же можно выявить определенные тенденции, которые, несомненно, социально предопределены.

Как справедливо отмечают социологи, система здравоохранения начала развиваться тогда, когда государство стало воспринимать людей как важнейший ресурс рабочей силы, возможности которого можно расширить за счет предоставления необходимой медицинской помощи. Благодаря революционным прорывам в области медико-биологических наук государственные интересы и социальные запросы стали вторгаться и в область антенатального существования: мониторинги внутриутробного развития плода позволяют в большинстве случаев выявлять «в будущем экономически невыгодных» индивидов.

Коррелируя свои действия с биополитическим дискурсом, система здравоохранения в определенной степени реализует идею о нецелесообразности сохранения существования такого «экономически невыгодного индивида», поэтому при формальном предоставлении будущим родителям права выбора решения медицинская система все же оказывает серьезное давление в пользу прерывания беременности. Так, например, американские исследователи отмечают, что большинство из опрошенных ими родителей (61%), оказавшихся в ситуации сложнейшего выбора, испытывали серьезное воздействие со стороны врачей, настаивавших на аборте: «Акушер-гинеколог предложил аборт, говоря, что мы никогда не найдем врача, способного помочь ребенку. Мы сделаем малышу большое одолжение, если избавим его от страданий» [2, с. 312].

Более того, те же исследователи выяснили, что в случае, если беременность все же сохраняется, родители испытывают осуждение со стороны окружающих: «Большинство родителей, отвергших прерывание беременности, ...ощущало порицание окружающих в гораздо большей степени, нежели те, чьим детям ставили неутешительные диагнозы уже после рождения. Возможно ли, чтобы специалисты, отвечающие за поддержание здоровья, считали, что родители, сохранившие беременность и родившие ребенка с отклонениями, несут ответственность за нежелание контролировать и избежать подобной ситуации?» [2, с. 315].

Как показывают разнообразные исследования, большинство пациентов относится с доверием к подобной диагностике и аргументирует прохождение подобных медицинских процедур желанием уменьшить беспокойство за будущего ребенка и убедиться, что с ним все в порядке [1, с. 255]. Однако в случае, если обнаруживаются какие-либо отклонения от нормы, более 70% принимают решение прерывать беременность на разных сроках, что согласуется с определенным социальным контекстом и одобряется государственной политикой.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: как далеко может заходить неотягощенное юридическими нормами вмешательство в антенатальное пространство? Ошибки, которые неизбежны в процессе диагностики «экономически невыгодных людей», в настоящее время воспринимаются системой как отдельные досадные случаи, которых явно недостаточно, чтобы изменять заведенную практику. Врачи становятся некими конкистадорами, вторгающимися при помощи новейших технологий в таинственное антенатальное пространство и пытающимися его контролировать, и это создает не только биоэтические прецеденты, это, несомненно, должно повлиять на наше представление о человеке.

Как отмечал К.-Л. Стросс, зарождение антропологии, как науки о человеке в его социальной и культурной ипостасях, началось с первородного греха колонизации. Рассматривая, как медицинские технологии вторгаются в антенатальное пространство, пытаясь его оценивать и контролировать, мы видим аналогичный процесс. Хотелось бы надеяться, что в будущем медицина будет не просто решать практическую задачу «быть или не быть», но и заложит основу для полноценной рефлексии относительно того, что же такое человек и какими еще новыми гранями своего бытия он обладает.

Литература:

1. Athanasiadis A.P., Polychronou P., Mikos Th., Pantazis K., Assimakopoulos E., Tzeveleki F., Bontis J.N. Women's Expectations and Intention to Terminate Pregnancy in Case of Abnormal Findings at the Second Trimester Level II Ultrasound Scan. A Prospective, Questionnaire-Based, Cross-Sectional Survey // *Fetal Diagn. Ther.* 2009. №25. pp. 255–263.
2. Wilfond B.S., Farlow B., Brazg T., Janvier A. Our children are not a diagnosis: The experience of parents who continue their pregnancy after a prenatal diagnosis of trisomy 13 or 18 // *Am J Med Genet.* 2014. Part A. P. 308–318.
3. *Medical Technologies and the Life World. The social construction of normality* / S.O. Lauritzen, L.-Ch. Hydén. New York: Routledge, 2007. 189 p.

References:

1. Athanasiadis A.P., Polychronou P., Mikos Th., Pantazis K., Assimakopoulos E., Tzeveleki F., Bontis J.N. Women's Expectations and Intention to Terminate Pregnancy in Case of Abnormal Findings at the Second Trimester Level II Ultrasound Scan. A Prospective, Questionnaire-Based, Cross-Sectional Survey // *Fetal Diagn. Ther.* 2009. №25. pp. 255–263.
2. Wilfond B.S., Farlow B., Brazg T., Janvier A. Our children are not a diagnosis: The experience of parents who continue their pregnancy after a prenatal diagnosis of trisomy 13 or 18 // *Am J Med Genet.* 2014. Part A. P. 308–318.
3. *Medical Technologies and the Life World. The social construction of normality* / S.O. Lauritzen, L.-Ch. Hydén. New York: Routledge, 2007. 189 p.

Сведения об авторе

Юлия Анатольевна **Исаева**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 001.18+130.3

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА

В.А. Кутырев, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: kut.va@mail.ru.

Аннотация. Рассматриваются исторические этапы становления на Земле постчеловеческой реальности. В XX веке, кроме соразмерного органам человека макромира, возникли микро- и мегамиры. Четвертая промышленная революция завершает превращение нашей реальности в среду, где целостный телесно-духовный человек существовать не сможет. Это глубинная причина современного экологического и антропологического кризисов. Условие выживания человека на Земле – ограничение безудержной инновационной технологизации мира и управление ее развитием.

Ключевые слова: технологии, прогресс, НБИК, человек, постчеловек, трансгуманизм, революция, управление.

POSTHUMAN REVOLUTION AS A RESULT OF TECHNOLOGISATION OF A HUMAN WORLD

Abstract. We consider the historical stages of the creation of the world post-human reality. In the twentieth century, except for bodies commensurate human macrocosm, there emerged micro and mega worlds. The fourth Industrial Revolution completes the transformation of our reality in an environment where a holistic body-spiritual man cannot exist. This is the root cause of the current ecological and anthropological crisis. The condition of a human survival on Earth – limiting rampant innovative technologisation of the world and control over its development.

Keywords: technology, progress, NBIC, man, posthuman, transhumanism, revolution, control.

К началу третьего тысячелетия после рождения Христа человечество приблизилось к рубежу, исторически сравнимому с возникновением неолита, а по своей будущей значимости, по-видимому, его превышающему. Неолитическая революция, как известно, была переходом от приспособительного действия человека в природе (собирательство, охота, рыболовство) к ее сознательному и целесообразному изменению – преобразованию. Обработка земли с помощью механических орудий, выведение пород животных и растений с желательными признаками представляют собой примеры направленной переделки среды обитания. В этой деятельности люди достигли громадных успехов, распространив её, в конце концов, на всю планету. Сейчас на поверхности земли практически нет неиспользованных или нетронутых территорий. Вода и воздух тоже подвергаются обработке, являясь как предметом, так и средством труда. Однако до определенного времени дело ограничивалось преобразованием наличных форм существующей реальности, когда ее изучаемые и изменяемые свойства чувственно воспринимаются человеком, соизмеримы с его физическими силами. Предмет своего труда он видит, слышит, осязает – взаимодействует с ним как непосредственно живое, телесное существо. Он остается в рамках био-

сферы – мира, адекватного его организации в качестве высшего представителя бытия природы. *Этот мир принято называть макромиром.*

По мере роста масштабов формообразовательной деятельности открылись возможности более глубокого воздействия на окружающую среду. Человек начал проникать за пределы реальности, данной ему как телесному существу и воспринимаемой его органами чувств, начал получать результаты, не имея прямого контакта с вещами. Расщепив атом, он включил в диапазон своего действия так называемый микромир – реальность новых масштабов (атомную, субатомную), не совместимую с его телесными, чувственными органами. Никто из людей непосредственно микромир не видел и не ощущал, мы судим о нем только по знакам и проявлениям его силы. Если вначале он был как бы реальностью ученых, то сейчас в этой реальности заняты сотни тысяч, вернее, миллионы людей. Его воздействие на нас стало повседневной практикой. *Микромир – неотъемлемый элемент нашего окружения*, и хотя в него, с точки зрения чувств, как в бога можно было бы лишь верить или не верить, столкновение с ним всегда имеет впечатляющие последствия.

Другим полюсом несоизмерности деяний человека с самим собой как земным природным существом является выход в космос, исследование планет – *его активность в масштабах мегамира*. Разрабатываются космические технологии, космические биология, медицина, проводятся эксперименты по синтезу химических веществ, по сооружению в космосе сложных инженерных конструкций. Влияние мегамира на нашу жизнь (хотя, как и микромир, мы воспринимаем его только опосредованно) вышло за пределы науки и стало экономически и экзистенциально значимым. Безжизненный космос захватывает живую Землю. Таким образом, если еще в начале XX века люди действовали в мире соразмерном их чувственно-телесному бытию, равному их биологической нише, то теперь их мир резко увеличился. Можно сказать, что *современная технологическая революция – это «революция миров»*.

Но и в макромире (или «мезокосме», как иногда еще говорят), то есть на самой Земле, технологическая революция привела к тому, что началось освоение недр земли, где нет жизни, овладение скоростями, с какими не передвигается ни одно живое существо. Используя специальные приспособления, человек видит, слышит, осязает во много раз дальше и сильнее, чем позволяют органы его тела (и органы других живых существ), что ведет к росту числа ситуаций, в которых как таковые они его больше не ориентируют. Это вызывает возрастание роли рационального, мыслительного. К началу XXI века сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, раздвинула ее границы и стала определяться достигнутой мощью разума.

Идем дальше. В условиях новейшего этапа технологического прогресса, так называемой четвертой промышленной революции, происходит эмерджентный синтез нано-, био-, инфо- и когно-технологий (НБИК-технологий). Они сливаются, и границы материального, цифрового и биологического миров стираются. Вскоре эти возможности возрастут многократно; совершаются все новые прорывы в областях искусственного интеллекта, робототехники, возникновения автономного транспорта, квантовых компьютеров, 3D-печати, интернета вещей и т.д. Уже сегодня человек, сталкиваясь с искусственным интеллектом, не отдает отчет, что он фактически становится его пленником: автономные машины, дроны, виртуальные ассистенты, программы-переводчики, программы-советники, которые дают советы, «от которых невозможно отказаться». Даже биржевые индексы теперь определяют роботы. Постоянный рост вычислительной мощности суперкомпьютеров

и всевозрастающие объемы обрабатываемых данных позволяют предположить, что в ближайшей перспективе человечество окажется в полностью кибернетической среде. Это не предсказания фантастов и футурологов, а вполне конкретные расчеты творцов всей этой новейшей техники, в частности, известного разработчика системы Google P. Курцвейла [1].

Характер и активность этой новой искусственной среды выходит за пределы не только наших чувств, но и нашего мышления, воображения. Методологи говорят о контринтуитивности сверхсложных нелинейных систем, ищут «безумные идеи», «немыслимые мысли». И находят, как оказывается, за пределами собственно человеческой головы, во взаимодействии с системами искусственного интеллекта. Логика обсуждают вопрос: как возможны «невозможные миры». Получается, что невозможные в двузначной классической логике, они вполне возможны в многозначных, машинно-исчисляемых логических системах. Теоретическая физика в своих авангардных областях покинула трехмерное пространство и оперирует 10–11-мерным, изображая его на супер-информационных машинах, без которых человек не может такое пространство не только изобразить, но и вообразить. Живо обсуждается вопрос: насколько мы можем доверять компьютерам (например, при доказательстве математических теорем). Возникают все новые виды деятельности, где «чистое» *человеческое мышление, как и чувства, нас больше не ориентирует.*

Этот процесс выливается в формирование *реальности отношений, а не вещей*, т.е. виртуальной реальности. В ней человек присутствует только идеально, проигрывая все действия фактически без участия своего тела, даже в быту, например, наблюдая или «играя» в хоккей по телевизору. Критериями существования внешнего мира в таком случае становится популярный операторский принцип: что вижу, то имею. Что воспроизводится, то и есть. Быть – это быть в восприятии. Появилось немало людей, для которых виртуальная реальность значимее вещно-объектной, ибо большую часть времени они живут в информационном окружении, и они, по крайней мере, их сознание, не нуждаются в предметных прототипах (даже если не брать компьютерных наркоманов). Таковы особенности их работы, их (не)жизненного мира.

Фантастические перспективы, которые открылись с изобретением сначала называемых мнимыми, а теперь все более «реальных» виртуальных реальностей и возникновения Internet of Everything (Интернета всего) переносят нас в «Иное», приближая к симбиозу человека с микроорганизмами внутри его тела, с потребляемыми продуктами, даже со зданиями, в которых он будет жить. Объединение компьютерной графики, телевидения, объемного звучания, специальных костюмов и перчаток, начиненных датчиками обратной связи – вместе это позволяет создавать нечто «абсолютно внешнее», больше вещественно не связанное с предметным миром. Возникает подлинно *Сверхестественное*, когда телесно оставаясь в теплой комнате, лежа на диване, человек в своем сознании и переживаниях может мчаться на лыжах по заснеженному горному склону, плыть под водой или, будучи импотентом, обнимать первую красавицу мира. Парадоксальное достижение! Сознание отделяется, отчуждается от тела. Субстратно тело человека находится в одном мире, а его дух, психика даже функциональные отправления – в другом. В «новом свете».

Какой мир в таком случае следует считать истинным, «естественным» – собственно человеческим? Сложилась ситуация, в которой все меньше мест, все меньше времени, где и когда человек действует как целостное телесно-духовное существо. Великий разрыв!

Живое за пределами жизни, дух покидает тело – это результат революции миров и глубинная причина бытийного кризиса человечества, проблем экологии и гуманизма. Это то, что реально можно назвать *Концом света*. Не мифическим, не предсказанным жрецами майя, а научно рассчитанным, например, все тем же Курцвейлом к 2099 г. Еще одна заветная дата – 2045 год. Это сакральная дата российского трансгуманистического движения. Именно к тому времени доверчивые или фанатически бездумные их представители в России готовятся создать «совершенного человека», голографического, фантомного, целиком искусственного. «Человека». Будто бы человека.

Минимально забегаая вперед, а может быть, просто констатируя факт настоящего, надо сказать, что *человеческой цивилизации больше не существует: она превратилась в постчеловеческую*. В Технос. Отсюда многочисленные «пост» – постклассическая и постнеклассическая наука, постиндустриальное общество, постистория и постхристианство, постструктурализм и постмодернизм, наконец, – все это приближение и частное проявление постчеловеческих свойств окружающей нас реальности в целом, когда человек становится элементом, «фактором», агентом чего-то им созданного и более сложного. Оно для него не «анти», но уже «пост». Постчеловеческая цивилизация – не цивилизация без человека. По крайней мере – пока. Это мир, созданный и создаваемый им самим, но приобретающий независимость от своего творца. Изменяясь в дальнейшем по автономным законам и становясь несоразмерным, «иномерным» человеку как конечному существу, он заново ставит перед ним проблему своего понимания и освоения. Таков результат постчеловеческой революции миров, производимой нами «второй и третьей природы» – сложной многомерной искусственной реальности, все более и более определяющей современную жизнь. Как бы она нас не унесла совсем!

Если все-таки надеяться на выживание, то, признавая сложный, нелинейный характер развития, надо не слепо следовать за новациями, с криком «прогресс не остановишь», а ставить задачу управления им(и). Ввиду сорвавшегося с тормозов инновационного развития – ручного, ножного, а, главное, с головного, условием сохранения жизни должно быть поддержание устойчивости развивающейся системы: темп и характер ее изменений не должны быть выше возможности их адаптации к человеку. Девизом выживания в обстоятельствах стихийной гонки технологий должна быть *отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На человеке*. Или мы останемся, какие есть, или нас не будет – такова суть философии жизни с точки зрения устойчивого развития (динамического консерватизма), которое мир провозгласил, а на деле отвергает, заменяет инновационизмом. Мы здесь ее защищаем и ис(про)поведуем, конкретизируя как *антропоконсерватизм*. Свобода – не познаваемая (это предпосылка), а преодолеваемая необходимость. Раньше – стихийности природы, теперь стихийности искусственного. Для выживания надо ориентироваться на *Controlled development* (управляемое развитие), реально руководствуясь которым можно попытаться избежать превращения *Genus Homo* в «постчеловека», а значит, и конца его/нашего света/мира.

Литература:

1. Технический директор Google расписал будущее мира: прогноз до 2099 г. URL: <https://m.inforesist.org/texnicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/> (дата обращения 13.02. 2016).

References:

1. Tehnicheskij direktor Google raspisal budushhee mira: prognoz do 2099 g. URL: <https://m.inforesist.org/texnicheskij-direktor-google-raspisal-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda/> (data obrashhenija 13.02. 2016).

Сведения об авторе

Владимир Александрович **Кутырев**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 260.1

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХРИСТИАНСТВА

Е.А. Нагорнов, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: evnagor@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме революционного потенциала раннего христианства. Рассматриваются основные идеи раннехристианского дискурса: равенство, справедливость, истина. На примере концепций А. Бадью и Т. Иглтона анализируется современность данных идей в контексте возможных социальных революций. Проводится сравнительный анализ типологии христианина и революционера.

Ключевые слова: революция, истина, христианство, социализм, традиция.

REVOLUTIONARY POTENTIAL OF CHRISTIANITY

Abstract. The article deals with the problem of a revolutionary potential of the Early Christianity. The main ideas of Early Christianity's discourse such as equality, justice and truth are being researched. Using the theories of A. Badiou and T. Eagleton as an example the author analyzes modernity of these ideas in the context of possible social revolutions. The comparative analysis of typologies of a Christian and a revolutionary is being performed.

Keywords: revolution, truth, Christianity, socialism, tradition.

Сопоставление христианства и социализма является общим местом в социальной философии. Но в свете отсутствия государственной идеологии, размытости современного политического субъекта, господства буржуазных индивидуалистических либеральных ценностей в современном российском обществе, ставящих во главу угла культ экономизма и релятивистского конформизма, представляется интересным рассмотреть революционный потенциал христианства, ориентированного, по крайней мере, в раннем своем варианте на универсализм, равенство, истину и справедливость. Что в условиях меняющегося культурного этоса может предложить христианство рыхлому/размытому субъекту современности? Сможет ли оно установить в пространстве универсальной истины революционного события волеитивный конкретный способ личностной самоидентификации, предполагающей революционное преобразование мира, его передел?

Х. Арендт в работе «*Vita activa*» отмечает «...чудовищную силу, присущую исключительно религиозной установке, ориентированной на потустороннее, когда она начинает действовать внутри мира» [1, с. 268]. Христианский проект мироустройства, как и социализм, активистски стремится к созданию наднационального общества *спасения*, возникающего на основе веры в справедливость, достижимую через труд: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского...» (Гал. 3, 28). Как социализм стремится отменить разделительные законы старого мира в ходе социалистической революции, так и христианство стремится противопоставить закону *благодать*. Христианство, по мнению А. Бадью, «переобосновывает теорию Субъекта, которая ставит существование в зависимость от проблематичной значимости события», выступая «баснословным форси-

рованием реального» [2, с. 12]. Социализм также связывает судьбу исторического субъекта с событием грядущей *социалистической революции* и утверждением справедливого общества. Причем, как в социализме, так и в христианстве субъектом часто выступает человек «немогущий» декларации – угнетенный, бедняк, бесправный, представитель покоренного народа: «Павел твердо придерживается воинствующего дискурса слабости» [2, с. 29]. На это уже указывал Ф. Энгельс: «Все те элементы, которые высвободил, то есть выбросил за борт, процесс разложения старого мира, одни за другими попадали в сферу притяжения христианства, как единственного элемента, который противостоял этому процессу разложения – ибо само христианство было его собственным неизбежным продуктом – и который поэтому сохранялся и рос, тогда как другие элементы были только мотыльками-однодневками» [5, с. 8].

В пользу революционности раннего христианства Ф. Энгельс говорит: «В нем нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; но зато есть ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, полностью утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом общественном полюсе – у социалистов» [5, с. 15]. Те же мотивы Т. Иглтон видит в предшествующем христианству иудаизме: «Мотив революционного изменения – клише Ветхозаветной теологии. Яхве нельзя ни изображать, ни называть, но вы узнаете его въяве, когда увидите, что бедные радуются, а богатые лишены имущества» [3, с. 30]. Как отмечает Т. Иглтон: «Слова Иисуса соответствуют традиции Ветхого Завета, в которой пророки обрушиваются прежде всего на прогнивший правящий класс» [3, с. 31]. В результате раннехристианской революции единения весь «сор земли»: все слепые, глухие, никчемные, беззащитные, отверженные – вновь возвращается в сообщество [3, с. 29]. Т. Иглтон пишет: «Поскольку от истории им ждать нечего, они являются настоящим означающим справедливости и исполнения надежд за ее порогом» [3, с. 30]. Христианство и социализм благодаря унифицирующей простоте и универсализму в их следовании «линии масс» представляют собою «равенство сыновей как соработников в деле Истины» (А. Бадью): «Следует свергнуть господина и основать равенство сыновей» (1 Кор. 3, 9). Для апостола Павла «процесс истины таков, что он не знает делений» [2, с. 30]. Христос же, согласно Т. Иглтону, есть «scandalon – камень преткновения, отверженный строителями, который станет краеугольным камнем нового порядка» [3, с. 32]. По его словам, «новый закон создан из отбросов старого. Отверженные должны сесть во главе стола; изгои должны унаследовать землю, те, кто потеряли свои жизни, сохранят их» [3, с. 32]. Как пишет Т. Иглтон, «только умерев для существующего властного режима, ты можешь возродиться для новой жизни в мире и товариществе. Для Иисуса невозможны переговоры между царством справедливости и властями мира сего» [3, с. 32]. В заключение исследователь отмечает: «Изменить человечество может только встреча с Реальным» [3, с. 32].

Отметим некоторые отличия раннехристианского революционного дискурса от современной революционной мысли. Т. Иглтон замечает: «Иисус и его последователи ожидали скорейшего пришествия Царства в том числе и потому, что не считали, будто человеческая деятельность может каким-либо образом способствовать этому процессу. Для ранних христиан Царство было даром Божиим, а не работой истории» [3, с. 34]. По мнению Т. Иглтона, «в I веке не было места представлению о мужчинах и женщинах как об агентах истории, способных творить свою судьбу, или, по крайней мере, участвовать в этом» [3, с. 34]. Идея

активного служения богу появится позднее. Христос, по мнению Т. Иглтона, «не был "ленинистом", потому что не имел концепции исторического самоопределения» [3, с. 35].

В результате можно сказать: несмотря на всю революционность первоначального христианства, ее явно недостаточно для современной революционной борьбы. Вряд ли можно говорить о сформировавшемся «классовом сознании» и революционном субъекте применительно к раннехристианским общинам. По мнению современного марксиста С. Земляного, «объективная возможность – это то, что вытекает как следствие из сложившейся философски-исторической ситуации, но для реализации чего необходимо включение в событийный ряд субъективного фактора, то есть сознания, воли и активности людей» [4, с. 24]. Передача Слова/послания пересилило активистское преобразование социального бытия. Христос в большей степени был технологическим посредником, медиумом, *сообщением*, а не активным революционером. Однако в условиях современной «десубъективации» инертного общества изучение кайрологического опыта раннего христианства представляется нам достаточно интересным.

Социализм и христианство стоят под знаком великого события/истины, отныне структурирующих субъекта. При этом революционность христианства начинает проявляться только с апостола Павла. Так, анализируя творчество левого итальянского режиссера П. Пазолини, А. Бадью отмечает: «По версии Пазолини, Павел желает по-революционному разрушить модель общества, основанного на социальном неравенстве, империализме и рабстве. Он наделен священной волей к разрушению» [2, с. 35]. Согласно А. Бадью, «для Павла, как и для тех, кто думает, что революция есть самодостаточное следствие политической истины, Христос – это *пришествие*, он тот, кто упраздняет прежний режим дискурсов. Христос в себе и для себя представляет *пришедшее*» [2, с. 29]. Главная формула христианства Павла, которая одновременно выступает и как универсальное обращение, по мысли А. Бадью, такова: «Ибо вы не под законом, но под благодатью» (Рим. 6, 14). «Наше спасение в вере, а не в делах» (Рим. 3, 24). В паулинистском христианстве, по мнению А. Бадью, всякое частное, всякое партикулярное есть приспособление, конформизм. Поэтому у Павла речь идет о неконформизме по отношению к тому, что нас непрестанно к себе приспособливает. Как великолепно сказал об этом Павел: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12, 2) [2, с. 39]. В итоге можно сказать, что понимание благодати у Павла вполне *материалистично*, исходя из нее каждый может «посвятить себя тому, что значимо для всех» (А. Бадью): «сделаться всем для всех» (1 Кор. 9, 22). Согласно Бадью в паулинизме, «благодать есть имя события как условия активной мысли» [2, с. 42]. Возможно, в этом следует искать разоблачения властных и экономических диспозитивов современности. Ведь как заметил Г. Лукач, «маскировка сути буржуазного общества есть жизненная необходимость для самой буржуазии – отчаянная борьба с постижением истинной сущности созданного ею общества» [4, с. 163].

Литература:

1. Арентс Х. *Vita activa или о деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. 448 с.
2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / А. Бадью. – М.– СПб.: Московский Философский фонд, Университетская книга, 1999. 98 с.
3. Иглтон Т. Был ли Иисус революционером?. – М.: Свободное марксист-ское издательство, 2009. 64 с.

4. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: «Логос-Альтера», 2003. 416 с.
5. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. – М.: Политиздат, 1982. 39 с.

References:

1. Arendt H. Vita activa ili o dejatel'noj zhizni. SPb.: Aletejja, 2000. 448 s.
2. Bad'ju A. Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma / A. Bad'ju. – М.– SPb.: Moskovskij Filosofskij fond, Universitetskaja kniga, 1999. 98 s.
3. Iglton T. Byl li Iisus revoljucionerom?. – М.: Svobodnoe marksist-skoe izda-tel'stvo, 2009. 64 s.
4. Lukach G. Istorija i klassovoe soznanie. Issledovanija po marksistskoj dialektike. – М.: «Logos-Al'tera», 2003. 416 s.
5. Jengel's F. K istorii pervonachal'nogo hristianstva. – М.: Politizdat, 1982. 39 s.

Сведения об авторе

Евгений Александрович **Нагорнов**, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 740

ЛОВУШКА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

С.В. Никишин, Воронежский государственный педагогический университет
(Воронеж, Россия), e-mail: mrshin@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются сущностные характеристики состояния революционного сознания. Особое внимание уделяется анализу оснований для манипулятивных технологий воздействия на революционное сознание. При этом акцент делается на выявление такого идеального образа социального времени и социального пространства, каковой делает революционное сознание наиболее управляемым.

Ключевые слова: революция, революционное сознание, манипулятивное воздействие, социальное время.

THE TRAP FOR REVOLUTIONARY CONSCIOUSNESS

Abstract. The essential characteristics of the state of revolutionary consciousness are discussed in this article. Particular attention is paid to the analysis of grounds for manipulative impact on revolutionary consciousness. The emphasis is made on the identification of the ideal image of social time and social space, which determines the best manipulative influence on the revolutionary consciousness.

Keywords: revolution, revolutionary consciousness, manipulative influence, social time.

В 2003 г. в диссертации «Феномен революционного сознания и его исторические метаморфозы» мной были охарактеризованы следующие сущностные особенности революционного состояния сознания:

1. Характеристики, обусловившие всеобще-историческую значимость данного феномена:

– революционное сознание проявляется во всех значимых сферах бытия общества (социально-экономической, политической, религиозной, научной и т.п.) на всем протяжении истории;

– революционное состояние присуще как индивидуальному, так и общественному сознанию, находящемуся в диалектическом единстве, причём в условиях традиционалистского общества преобладают ориентированные на отдельного индивида способы революционной трансформации сознания, а в условиях глобальных социальных перемен – ориентированные на целый социум;

– революционное изменение сознания актуализирует эсхатологические архетипы конца социального времени, следствием чего является качественная трансформация парадигм восприятия времени и взглядов на смысл истории, которых придерживается и одна личность, и целый социум.

2. Фундаментальная характеристика носителя революционного сознания (каковым может быть как отдельная личность, так и социальная группа) – это стремление преобразовать систему субъект-объектных отношений, отчужденным фрагментом которой он себя чувствует, в систему субъект-субъектных отношений, творцом которой желает быть.

3. Революционное сознание может принимать и сакральные (мистицизм, возникновение новых духовно-религиозных течений), и светские (политические), и смешанные формы, между которыми наблюдается преемственность, более всего проявляющаяся в выдвижении разных вариантов идеала совершенного человеческого бытия.

С точки зрения трансформаций революционного сознания попытаемся осмыслить прошедший исторический период. Невзирая на то, что календарное время в XXI веке отсчитало немногим более 15 лет, по насыщенности событиями оно приближается к временам самых бурных общественных трансформаций прошедшего столетия. События на Украине, перекраивание политической карты Северной Африки и Ближнего Востока, усиление исламистских фундаменталистских группировок вплоть до создания могущественных квазигосударственных образований на территории Сирии и Ирака, – все это указывает на то, что радикальные, политические формы революционного сознания разворачиваются во всей своей разрушительной мощи. Каковы же сущностные причины, вызвавшие к жизни столь разрушительные силы? Постараемся абстрагироваться от подробного разбора конкретных политических событий, более чем подробно обсуждаемых в масс-медиа, и выявить, в первую очередь, причины всеобщего характера – с той целью, чтобы полученные выводы были бы применимы к анализу подобных ситуаций в будущем.

Представляется, в первую очередь, к таковым причинам относится усиление манипулятивных технологий влияния на революционное сознание. Здесь мы исходим из следующего определения интересующего нас феномена: *революционное сознание* – это в разных формах постоянно пребывающее в истории особое состояние сознания, в рамках которого революционный субъект стремится разрушить отчуждающие и фрагментаризирующие его системы отношений с миром и создать более целостные и, с его точки зрения, справедливые. Носитель революционного сознания ориентирует и оправдывает свою деятельность претендующими на универсальность идеалами справедливости, личностного совершенства, самоактуализации. Данное определение вскрывает наиболее уязвимые для манипулятивных воздействий аспекты революционности. Дело в том, что рассматриваемое состояние всегда связано с решительной борьбой – зачастую, и внешней, и внутренней. Нельзя утверждать, что революционное состояние вполне комфортно для своего носителя. Скорее, наоборот. Это состояние бойца, сознание борющегося, его формирование обусловлено сильным протестом, нередко отягченным сильным страданием. Таким образом, у него мощная иррациональная подоснова. Можно сказать, что в рамках данного состояния актуализированы два архетипических образа: воина-разрушителя и строителя. Манипулятивная задача заключается в том, чтобы усилить первый архетип, увеличить степень не критичности в рамках протестного восприятия и поставить воина на службу. Если это удастся и формируется группа революционеров, то получается не просто бомба замедленного действия под существующий, вызывающий их недовольство порядок, а, скорее, вирус, каковой «работает» и после «взрыва». В том случае, если пафос борьбы и ненависть к противнику для носителя революционного сознания долгое время оказываются на первом плане, инициатива революционного преобразования теряется и управленческие функции переходят к тому, кто наилучшим образом эксплуатирует образ врага.

Охарактеризованное манипулирование осуществляется в современном мире достаточно быстро и эффективно. Именно поэтому характер сегодняшних «цветных» революций трудно назвать самобытным. Если сравнить их с революционными событиями начала прошлого столетия: и с русскими революциями, и с Синьхайской революцией в Китае, то, в

первую очередь, бросается в глаза скороспелость и яркая театральность современных. В данной статье я не склонен искать за кулисами революционных событий следы некоего единого «мирового заговора» и «злой воли» США. Представляется, что дело обстоит гораздо проще. Меняются инструменты как регионального, так и геополитического противостояния и различного уровня элиты неизбежно стремятся ими воспользоваться в своих целях. Это подобно тому, как развитие огнестрельного оружия на заре эпохи Возрождения сначала перекроило карту Европы, а потом – и всего мира. Сегодня не сходит с уст словосочетание «информационная война», каковое является своего рода индикатором смены орудий противостояния. Однако, о чем «сигналит» эта «лакмусовая бумажка»? О том, что правильная обработка массового сознания правильно подобранными информационными потоками, дает наилучший эффект? Вплоть до того, что государство, проигравшее в такой войне, само уничтожает себя – подобно Югославии и Советскому Союзу в начале «лихих» 90-х, Ливии в 2011-м или современным Украине и Сирии? Представляется несомненным, что все эти и многие другие политические потрясения связаны с информационными войнами, однако простой констатации этого факта недостаточно. Нужно понять, в чем корень и каков, хотя бы в самых общих чертах, механизм успеха новой информационной войны конца XX – начала XXI вв. Ведь информационные войны были всегда – так, противостояние общностей по религиозному признаку извечно связано с формированием страшного образа «неверного», «вероотступника», «еретика», «проклятого». В чем особенность нашего периода, особенно в свете того, что религиозное противостояние в худших традициях джихада никуда не исчезло?

Думается, основанием для успешного управления революционностью в условиях современности является время. Вернее, образ времени, характер понимания социального временного потока – истории. В этом смысле, при манипуляции революционным сознанием происходит своего рода отсылка к «золотому веку», отказ от рационалистического понимания социального времени. Действительно, исламистские группировки на Ближнем Востоке и в Северной Африке, призывая к уничтожению «мира неверных», вновь эксплуатируют идею Халифата, который начался некогда в истории, но пребывает в вечности. Нынешнее же состояние «земных» дел – всего лишь временное от него отпадение. «Дело в том, что в мусульманской традиции и общественной мысли халифат – это вневременная форма универсального государства, ниспосланная самим Аллахом», – анализируя феномен ИГИЛ/ДАИШ, пишут А.В. Федорченко, А.В. Крылов [1].

В современной Украине тоже в весьма фантастических подробностях разрабатывается идеальный образ Киевской Руси как предтечи независимой и самобытной украинской государственности, в свете которой Россию вполне логично переименовать в «Московию».

Невзирая на то, что ситуация на Ближнем Востоке и на Украине кардинально отличаются, общая манипулятивная тенденция прослеживается достаточно очевидно. Нужно лишить революционно настроенные массы ясного понимания причинно-следственных исторических связей. Для этого всеми доступными средствами создается благой образ Золотого века, каковой, в идеале, должен стать предметом истовой веры. Если это удастся, то революционное сознание коллапсирует в рамках одного архетипа – воина, миссия которого – разрушать все чуждое сияющему образу. Войну же можно вести автоматом, пером, социальными сетями. Но, по большому счету, ведут её «иновременяне». Для них существует свое «священное время» и «священное пространство», попасть в которые можно лишь по-

бедив врагов. Революционное сознание коллапсирует и превращается в военное. Военные гораздо лучше подчиняются приказам, нежели революционеры.

Таким образом, для того, чтобы «поймать» революционное сознание в манипулятивную «ловушку» необходимо создать в умах его актуальных и потенциальных носителей своеобразный фантастический хронотоп. Это некогда существовавшее идеальное место и время. И при условии победы в войне, как, впрочем, и смерти в ней должен произойти своего рода перерыв постепенности, разрыв ткани этого несправедливого мира и попадания субъекта в мир священный, идеальный. Для создания этого хронотопа образ врага столь же необходим, как и концепт Золотого века. Постоянная эксплуатация этого манипулятивного образа в СМИ, политике, образовательной и религиозной системах, а также введение в повседневность соответствующих символов и псевдотрадиций задают широкий масштаб для всесторонней обработки молодого поколения. Максимализм лозунгов накладывается на максимализм молодости и порождает стихийную революционность, каковая, при желании манипулятора, может превратиться и в тотальную военизированность, и в анархию.

В заключение еще несколько слов о карнавальности (подчас смертельной) современных квази-революций. «Священное время» и «священное пространство» в понимании М. Элиаде – это своего рода эталонные состояния изначальной чистоты и безгрешности бытия, к которым возвращается ради периодического самообновления мифопоэтическое сознание представителя традиционных сообществ, придерживавшихся, преимущественно, земледельческих жизненных циклов. [2, 16] Они обновляли социум, как весна обновляет природу. Манипулятивный хронотоп всего лишь рядится в образы идеальной древности, но неспособен нести качественно новое, поскольку для этого не создается.

Литература:

1. Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «Исламского государства». URL:http://vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/023_politologiya_fedorchenkoav_krylovav.pdf
2. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

References:

1. Fedorchenko A.V., Krylov A.V. Fenomen «Islamskogo gosudarstva». URL:http://vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/023_politologiya_fedorchenkoav_krylovav.pdf
2. Eliade M. Svjashhennoe i mirskoe. M.: Izd-vo MGU, 1994. 144 s.

Сведения об авторе

Сергей Вячеславович **Никишин**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, экономики и общих гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 165.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ЗДОРОВЬЕ» И «БОЛЕЗНЬ» КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИИ В БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Е.Л. Панова, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Москва, Россия), e-mail: e-travina@rambler.ru

Аннотация. Представленный в статье анализ понятий «здоровья» и «болезни» в четырех моделях медицины – двух направлениях отечественной общей патологии, клинической медицине и биомедицине демонстрирует тенденции к постепенному сужению медицинской нормы, ее относительности, социализации, что позволяет сделать вывод о серьезном кризисе ограничивающих вмешательство регуляторов в биомедицине.

Ключевые слова: здоровье, болезнь, медицина, революция, биомедицинские технологии.

TRANSFORMATION OF CONCEPTS «HEALTH» AND «ILLNESS» AS THE REVOLUTION FACTOR IN BIOMEDICAL TECHNOLOGIES

Abstract. The analysis of concepts of "health" and "illness" presented in the paper in four models of medicine or two directions of a domestic general pathology – clinical medicine and biomedicine – shows tendencies to gradual narrowing of medical norm, its relativity, socialization that allows to draw a conclusion on a serious crisis of regulators limiting intervention in biomedicine.

Keywords: health, illness, medicine, revolution, biomedical technologies.

Ближайшее будущее стало неопределенным и, порою, пугающим в связи с развитием новейших технологий на основе формирования нового типа науки – технонауки, особенно, одного из ключевых ее направлений – биомедицины и биомедицинских технологий. Использование медицинских средств стало повсеместным, оно все чаще и чаще подчиняется целям не излечения как такового, но оптимизации и улучшению организменного субстрата человека, способное привести его к качественно новому состоянию – состоянию постчеловека.

Современная медицина действует не слепо: в ее программу уже заложен некоторый образ человека, который она постепенно материализует. Получение правильного и точного, философски отрефлектированного, знания о механизмах формирования этого образа и тенденциях его дальнейшего развития в медицинском познании является необходимым условием поиска границ человеческого в медицине, без чего невозможно преодоление всего широкого спектра проблем и вызовов, актуализированных активным развитием новейших биомедицинских технологий. Для определения условий и факторов трансформации образа человека в медицине был проведен анализ теоретико-познавательных тенденций эволюции понятий «здоровья» и «болезни» в четырех моделях медицины – общей патологии И.В. Давыдовского, социобиологическом направлении общей патологии (А.Д. Адо, Д.С. Саркисов, М.А. Пальцев, Н.К. Хитров), частной патологии (клинической медицине) и биомедицине. Необходимо отметить, что в системе медицинского знания понятия «здоровья»

и «нормы», «болезни» и «патологии» практически всегда синонимичны, что определило такой же подход к этим категориям и в данном исследовании.

Общая патология И.В. Давыдовского строится на общебиологических началах и не предполагает строгого разделения патологических и физиологических процессов. Оценка патологии как чего-то «ненормального» неверна, т.к. «быть больным такое же свойство живого, как размножение, обмен, смерть» [2, с. 17]. Болезнь, по Давыдовскому, является выражением компенсаторных и приспособительных процессов, развившихся и закрепившихся в генотипе в процессе эволюции. Болезнь всегда индивидуальна: эволюционно закрепленные генетически запрограммированные механизмы развития патологии всегда реализуются уникально в зависимости от индивидуальных особенностей организма человека. При таком подходе болезнь может выполнять полезные функции, как, например, «болезнь роста», способствующие переходу организма человека в новое состояние. Таким образом, Давыдовский стоит на позиции трансляции из биологии в медицину широкой видовой нормы, которая вмещает в себя многие индивидуальные (половые, возрастные, конститутивные) особенности. Главным критерием такой нормы, как и в биологии, является *жизнеспособность*.

Отличную от И.В. Давыдовского позицию занимают представители иного направления общей патологии человека – Д.С. Саркисов, М.А. Пальцев, Н.К. Хитров, А.Д. Адо и др. Представители этого направления утверждают о принципиальной несовместимости состояний здоровья и болезни [5, с. 479]. Последняя, на их взгляд, является не одним из проявлений адаптации, а ровно наоборот – ее нарушением. Чрезвычайно важным является представление о том, что болезнь – это принципиально новое состояние организма, качественно отличное от здоровья. В отличие от И.В. Давыдовского, А.Д. Адо утверждает: «Повреждение живого тела на любом уровне (молекулярном, субклеточном, клеточном, органном, организменном) представляет собой такое изменение его строения и функций, которое не способствует, а мешает жизни и существованию организма в окружающей среде» [1, с. 23].

Ключевым фактором, обуславливающим различие подходов двух школ общей патологии человека, является включение оппонентами Давыдовского в медицинскую теорию социальных аспектов жизнедеятельности человека в качестве определяющих. Поэтому это направление мы обозначаем как социобиологическое. Наиболее наглядно ориентация на «социальный заказ» проявляется в следующей трактовке здоровья: «Для человека, как для существа социального, норма или здоровье – это существование, допускающее наиболее полноценное участие в различных видах общественной и трудовой деятельности» [1, с. 202]. Таким образом, именно фактор *трудоспособности* становится критерием, определяющим четкое разграничение состояний здоровья и болезни.

Как пишет В.А. Рыбин, теория действующей клинической медицины до сих пор выстраивается монокаузально, т.е. «по логике "одна нарушенная функция – одна болезнь – одна причина"» [3]. Соответственно этому принципу клиническая медицина концентрирует свое внимание на конкретных частных (структурных и функциональных) патологиях, что определяет постоянный рост клинических медицинских специальностей.

Постоянная дифференциация клинических дисциплин прямо пропорциональна росту эмпирического научного знания, описывающего организм на разных уровнях функционирования (клеточном, тканном, органном, системном и т.д.). Это высвечивает ключевую особенность подхода, применяемого в частной патологии: исследования частной патологии не

концентрируются на изучении всего организма в целом, напротив, акцентируют внимание только на *отдельных уровнях* функционирования организма. Таким образом, во-первых, организм оказывается как бы «расчлененным» на постоянно увеличивающееся число элементов; во-вторых, поводом для такого «расчленения» становится поиск именно патологических, а не «нормативных», явлений, что автоматически подразумевает их последующую коррекцию или даже элиминацию.

Исследователи отмечают, что именно патология (болезнь) становится единственным предметом клинической медицины, для которой «человек представляет интерес только в состоянии заболевания, т.е. отклонения от некоторой среднестатистической (и потому довольно размытой) "нормы здоровья", о которой определенно можно сказать только то, что "это – не болезнь"» [4, с 231].

Противопоставление «здоровья» и «болезни», по мнению многих специалистов, во многом определило «технологический взрыв» в медицине, начиная со второй половины XX века, по настоящее время. Кроме того, невиданное доселе расширение спектра медицинских технологий актуализировало явление ятрогении (др.-греч. ἰατρός – врач + др.-греч. γένεσις – рождение) – ухудшение здоровья пациента в результате врачебного воздействия.

Исследователи отмечают постоянное увеличение скорости роста социальных показаний к медицинскому вмешательству. Одним из самых популярных примеров этого является широкое применение психотропных лекарственных средств риталина и прозака в клинической практике. Риталин, «химический родственник таких строго контролируемых веществ, как метамфетамин и кокаин» [7, с. 156], в 1980–1990 годы был назначен до 15% американских школьников [6] с целью повышения успеваемости детей и контроля над их поведением. А «целевой аудиторией» прозака, имеющего побочные последствия от набора веса до суицида, стали женщины, нуждающиеся в повышении собственной самооценки. Таким образом, можно констатировать постепенную модификацию критерия *работоспособности* медицинской нормы в критерий *способности к выполнению разнообразных социальных функций*. Закономерным следствием этого факта является относительность медицинской нормы, т.к. калейдоскопическое изменение разнообразных социальных функций просто не оставляет возможности формирования устойчивой медицинской нормы.

В результате кардинально трансформируется сам институт медицины, где центральное место постепенно занимает биомедицина и биомедицинские технологии, представляющие собой одно из ее наиболее динамично развивающихся направлений. На основе значительных достижений в области молекулярной биологии сформировались принципиально новые медицинские технологии, такие как генотерапия стволовых клеток и зародышевых путей, пренатальная и генетическая диагностика, новейшие репродуктивные технологии (экстракорпоральное оплодотворение, в будущем – репродуктивное клонирование, искусственная матка и т.д. и т.п.), клонирование и др.

Широчайшая технологизация медицины стала едва ли не самой обсуждаемой и дискуссионной темой в современном мире, вызвав серьезные опасения и в широких общественных, академических, политических кругах. Одним примером революционного скачка в развитии медицинских технологий может являться осуществление радикальных оперативных вмешательств на основе результатов генетической диагностики. В подобных случаях радикальное медицинское вмешательство применяется превентивно, в тот момент, когда заболевания еще нет и, возможно, никогда не будет. Поводом к применению инвазивных

медицинских технологий становится не диагноз как информация об актуальном состоянии организма, а прогноз как вероятностное знание о возможных будущих состояниях организма пациента. Этот пример показывает, что в биомедицине обоснование медицинского вмешательства не требует наличия выраженного в явной и конкретной форме патологического явления или процесса. Следовательно, произошел существенный сдвиг в понимании «нормы» и «здоровья».

На наш взгляд, наиболее подходящим под современные условия является определение здоровья, данное Всемирной организацией здравоохранения, в котором здоровье понимается как состояние физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Таким образом, впервые за несколько столетий в медицинском познании определение понятия «здоровье» перестало быть негативным и приобрело конкретное содержание как *благополучия*. Вследствие того, что благополучие – это весьма многозначный, сложно определяемый критерий, который трактуется всегда произвольно, медицинская норма становится результатом индивидуального выбора пациента.

Приведенная таблица демонстрирует основные этапы эволюции понятий «здоровье» и «болезнь» в системе медицинского знания.

	Здоровье	Болезнь (патология)	Норма	Критерий оптимальности нормы
Общая патология Давыдовского	идентично норме	форма приспособления организма к условиям существования	видовая	жизнеспособность
Социобиологическое направление общей патологии	отсутствие заболеваний норма	противоречивое единство полочки и защиты, нарушение адаптации	близкая к видовой	трудоспособность
Частная патология	отсутствие заболеваний норма	функциональные и морфологические нарушения на разных уровнях (клеточном, тканевом, органном, системном)	социальная	способность к выполнению социальных функций
Биомедицина	физическое, психическое, социальное благополучие, а не только отсутствие заболеваний	сложно определяема, размыта	индивидуальная	качество жизни, благополучие

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трансформация ключевых понятий медицинского познания – «здоровья» и «болезни» – является существенным условием революционных изменений в области теории и практики медицины. Представление о норме в современной биомедицине стремится к постоянно возрастающей неустойчивости, произвольности, отходу от нормы биологической, что кардинально изменяет целевые установки медицины: от «лечения» биомедицина постепенно переходит к «конструированию».

Литература:

1. Адо А.Д. Вопросы общей нозологии. (Историко-методологические этюды). М.: Медицина, 1985. 240 с.
2. Давыдовский И.В. Общая патология человека. М.: Медгиз, 1969. 612 с.
3. Рыбин В.А. Социокультурное истолкование понятия «здоровье» как предпосылка новой парадигмы философии медицины // Сб. Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 2: Междисциплинарные аспекты биомедицины. М., 2008. URL: http://www.rybin.dialog21.ru/paradigma_health.htm (дата обращения 12.01.2016).
4. Рыбин В.А. Эвтаназия. Медицина. Культура: Философские основания современного социокультурного кризиса в медико-биологическом аспекте. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.
5. Саркисов Д.С., Пальцев М.А., Хитров Н.К. Общая патология человека: учебник. М.: Медицина, 1997. 608 с.
6. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. 139 с.
7. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 349 с.

References:

1. Ado A.D. Voprosy obshhej nozologii. (Istoriko-metodologicheskie jetjudy). M.: Me-dicina, 1985. 240 s.
2. Davydovskij I.V. Obshhaja patologija cheloveka. M.: Medgiz, 1969. 612 s.
3. Rybin V.A. Sociokul'turnoe istolkovanie ponjatija «zdorov'e» kak predposylka novej paradigmy filosofii mediciny // Sb. Filosofskie problemy biologii i mediciny. Vyp. 2: Mezhdisciplinarnye aspekty biomediciny. M., 2008. URL: http://www.rybin.dialog21.ru/paradigma_health.htm (data obrashhenija 12.01.2016).
4. Rybin V.A. Jevtanazija. Medicina. Kul'tura: Filosofskie osnovanija sovremennogo sociokul'turnogo krizisa v mediko-biologicheskom aspekte. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 328 s.
5. Sarkisov D.S., Pal'cev M.A., Hitrov N.K. Obshhaja patologija cheloveka: uchebnik. M.: Medicina, 1997. 608 s.
6. Tishhenko P.D. Bio-vlast' v jepohu biotehnologij. M.: IF RAN, 2001. 139 s.
7. Fukujama F. Nashe postchelovechesкое budushhee. Posledstvija biotehnologicheskoj revoljucii / Per. s angl. M.B. Levina. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. 349 s.

Сведения об авторе

Евгения Львовна **Панова**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Москва, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 167.7

НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

С.И. Платонова, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (Ижевск, Россия), e-mail: platon-s@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется модель исторической реконструкции науки через научные революции. Делается вывод, что эта модель более справедлива для естественных наук. В социальных науках отсутствует господство одной теории или парадигмы, для них характерен феномен полипарадигмальности.

Ключевые слова: научная революция, парадигма, социальная теория, полипарадигмальность.

SCIENTIFIC REVOLUTIONS AND SOCIAL SCIENCES

Abstract. The article analyzes the model of historical reconstruction of science through scientific revolutions. It is concluded that this model is more just for the natural sciences. In social Sciences there is no dominance of a one theory, they are characterized by the phenomenon of polyparadigm.

Keywords: scientific revolution, paradigm, social theory, polyparadigm.

В философии науки выделяют несколько моделей исторической реконструкции развития науки: кумулятивную модель, модель научных революций и модель *case-study*, в которой история науки трактуется как совокупность индивидуальных, частных событий.

Исторически первой и самой распространенной является кумулятивная модель, рассматривающая развитие научных знаний как их постепенное накопление, приращение, как движение от незнания к все более глубокому и полному знанию. Данной модели соответствует и классическая (корреспондентская) концепция истины, определяющая истину как соответствие знания действительности. Иными словами, чем точнее полученное знание соответствует действительности, тем мы все больше приближаемся к абсолютной истине, к знанию, тождественному своему предмету.

Однако в XX веке интерес начинают представлять альтернативные модели развития науки, в частности, модель развития науки через научные революции. Данную модель принято связывать с именем выдающегося американского философа Т. Куна и его работой «Структура научных революций» (1962). Но еще до появления работы Т. Куна французский историк науки А. Койре в «Галилеевских этюдах» (1939) утверждал, что период XVI–XVII веков в Европе является временем революционных трансформаций в истории научной мысли. Подлинным революционером в науке, по мнению А. Койре, был Г. Галилей.

Смена научных представлений сопряжена с радикальным изменением философских оснований науки. История научной мысли, замечает французский историк науки, учит нас, что «а) научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли; б) великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением фило-

софских концепций» [1, с. 14–15]. Таким образом, А. Койре одним из первых показал, что в истории науки возможна некоторая прерывность, связанная с научными революциями.

В последующем данный тезис получил развитие. Например, известный российский философ В.С. Степин выделяет четыре глобальные научные революции: научную революцию XVII в., возникновение дисциплинарно организованной науки в конце XVIII в., появление неклассической науки в первой половине XX в. и, далее, возникновение в последней трети XX века постнеклассической науки [8].

Сторонниками развития науки через смену научных революций являются многие выдающиеся современные мыслители. Американский философ и историк науки Т. Кун для объяснения своей модели развития науки использует понятия «парадигма», «нормальная наука», «головоломка», «научная революция». Период господства какой-либо парадигмы Т. Кун называет периодом «нормальной науки». «Нормальная наука» характеризуется накоплением научных результатов, найденных при решении очередных задач по стандартным образцам и методикам («решение головоломок»), тогда как смена парадигм является периодом научной революции.

Научная революция сопровождается коренной ломкой, трансформацией, переинтерпретацией основных научных результатов и достижений, принципиальным видоизменением всех главных стратегий научного исследования. Развитие науки некумулятивно, при смене парадигм меняется язык, что порождает проблему несоизмеримости научных теорий. Переход от одной парадигмы к другой происходит вследствие того, что сторонники последней парадигмы обладают большими силами, ресурсами, имеют больший экономический и даже политический потенциал. Смена парадигм – это, скорее, психосоциологический процесс, почти полностью безразличный к эмпирическим и логическим требованиям. Поэтому всякая парадигма относительна в плане научных достоинств.

Пожалуй, самым неоднозначным является понятие «парадигма». Исследователи насчитали 21 определение данного понятия в «Структуре научных революций». Самым точным и соответствующим содержанию работы определением является следующее: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [2, с. 11]. Парадигма – это (наилучший на данный момент) способ объяснения устройства мироздания. Примерами парадигм являются физика Аристотеля, астрономия К. Птолемея, геометрия Эвклида, механика И. Ньютона, теория электричества Франклина, химия Лавуазье. Работа Т. Куна произвела большое впечатление на историков и философов науки.

Кумулятивное развитие науки отрицает также выдающийся британский философ К. Поппер, полагая, что эволюцию научных теорий можно изобразить как движение от одной проблемы к другой проблеме: «Проблема P (1) порождает попытки решить ее с помощью пробных теорий (*tentative theories*) (ТТ). Эти теории подвергаются критическому процессу устранения ошибок (*error elimination*) (ЕЕ). Выявленные нами ошибки порождают новые проблемы P (2)» [5, с. 58].

Таким образом, концепции А. Койре, Т. Куна, К. Поппера, В.С. Степина подводят реально происходившие научные события под схему, имеющую собственную определенную логику. Данные мыслители выступают против кумулятивной концепции роста науки: по их мнению, изменения научного знания связаны с масштабными катаклизмами метафизических революций, прежде всего, с изменениями в философских

основаниях науки. Они обратили внимание на то, что на развитие науки и смену тех или иных господствующих научных представлений существенное влияние оказывают метатеоретические социокультурные факторы.

Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что данные мыслители развитие науки рассматривают, в основном, на примерах из области естественных наук, прежде всего, физики. Уместно задаться вопросом: подчиняется ли логике научных революций развитие социальных теорий, в целом социальных наук?

Например, если попытаться экстраполировать модель развития науки Т. Куна на социальные науки, то здесь мы встретимся с определенными трудностями. Прежде всего, социальные науки являются многопарадигмальными дисциплинами, где всегда присутствует несколько теоретических направлений, традиций. Такое состояние, по Куну, является нетипичным для зрелых научных дисциплин. Напрашивается вывод, что либо социальные науки еще не достигли развитого этапа, либо они принадлежат к такому типу наук, которые не объясняются логикой Куна.

Как нам представляется, сам Т. Кун скептически относился к применению своей модели развития науки в социально-гуманитарных науках. Например, он отмечал, что «перехода от допарадигматического к парадигматическому периоду нельзя ожидать в дисциплинах, имеющих социальные и политические системы в качестве объектов исследования» [9, с. 56]. Дело в том, что такие системы нестабильны, поэтому трудно ожидать от исследователей единой позиции по типу «нормальной науки».

К. Поппер, напротив, обращает внимание на то, что метод социальных наук ничем не отличается от метода естественных наук и так же состоит в попытках предложить пробное решение тех проблем, которые затем должны критиковаться и опровергаться [6, с. 300]. При этом британский философ выступает против социальных революций, отмечая, что большая часть революций, если не все, приводили к обществам, сильно отличающимся от тех, каких желали революционеры. Поэтому, как отмечает сам К. Поппер, «моя социальная теория, отдающая предпочтение постепенным и поэтапным, пошаговым реформам, контролируемым постоянным сравнением между ожидаемыми и достигнутыми результатами, представляет резкий контраст с моей теорией метода, который является теорией научных и интеллектуальных революций» [7, с. 317].

По нашему мнению, «социальные науки являются полипарадигмальными дисциплинами, где всегда присутствует несколько теоретических традиций. Мы не можем говорить о господстве только одной научной парадигмы в социальных науках (как это происходит, например, в физике)» [4, с. 238]. В настоящее время сосуществуют самые разнообразные социальные теории: феноменологические, бихевиористские, неомарксистские, постмодернистские, феминистские и другие. Их можно классифицировать по разным основаниям. При этом любая социальная теория, как и социальная парадигма, является односторонней и избирательной. Социальная парадигма, как писал американский философ Р. Мертон, «способна вызвать зашоренность. Вооружившись своей парадигмой, социолог может закрыть глаза на стратегические данные, которые этой парадигмой четко не предусмотрены» [3, с. 104].

Социальные теории, социальные парадигмы должны рассматриваться не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реальности. Любая социальная теория является односторонней и должна быть нацелена на критический рефлексивный анализ собственных исходных предпосылок и оснований и, следовательно, на выход за пределы жесткой системы своих исходных познавательных координат.

Социальные парадигмы во многом не противоречат друг другу, так как обращены к действиям разных типов или к разным их аспектам.

Следовательно, логическая реконструкция развития науки через смену научных революций более справедлива для естественных наук, нежели для социальных наук. Для социальных теорий и социальных парадигм более правильным является утверждение их существования, их дополнительность. Признавая полипарадигмальность социального знания, необходимо поставить вопрос о возможности диалога между представителями разных социальных теорий и парадигм.

Литература:

1. Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). М.: Эдиториал УРСС, 2003. 272 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.
4. Платонова С.И. Парадигмальный характер социального знания: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2015. 271 с.
5. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–75.
6. Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 298–314.
7. Поппер К. Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 314–330.
8. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
9. Теория и методы в социальных науках. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.

References:

1. Kojre A. Oчерки istorii filosofskoj mysli (o vlijanii filosofskih koncepcij na razvitie nauchnyh teorij). M.: Jeditorial URSS, 2003. 272 s.
2. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. M.: Progress, 1977. 300 s.
3. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura. M: AST, Hranitel', 2006. 880 s.
4. Platonova S.I. Paradigmal'nyj harakter social'nogo znaniya: dis. ... d-ra fi-los. nauk. M., 2015. 271 s.
5. Popper K. Jevoljucionnaja jepistemologija // Jevoljucionnaja jepistemologija i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki. M.: Jeditorial URSS, 2000. S. 57–75.
6. Popper K. Logika social'nyh nauk // Jevoljucionnaja jepistemologija i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki. M.: Jeditorial URSS, 2000. S. 298–314.
7. Popper K. Razum ili revoljucija? // Jevoljucionnaja jepistemologija i logika soci-al'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki. M.: Jeditorial URSS, 2000. S. 314–330.
8. Stepin V.S. Filosofskaja antropologija i filosofija nauki. M.: Vysshaja shkola, 1992. 191 s.
9. Teorija i metody v social'nyh naukah. M.: ROSSPJeN, 2004. 288 s.

Сведения об авторе

Светлана Ипатовна **Платонова**, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (Ижевск, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 008:14

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ТУРИСТСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

И.И. Руцинская, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия), e-mail: irinaru2110@gmail.com

Аннотация. В представленном докладе туристское пространство русской провинции послереволюционного десятилетия рассматривается как форма репрезентации государственной «политики памяти». Источником информации выступают провинциальные путеводители 1920-х годов. Издаваемые в различных городах страны, данные тексты фиксировали механизмы, методы и приемы, помогавшие вычеркнуть из памяти людей важные объекты прошлых эпох и заместить их новыми.

Ключевые слова: туристское пространство, «места памяти», путеводитель, послереволюционное десятилетие, достопримечательность, интерпретация.

REVOLUTION AS A TRANSFORMATION FACTOR OF TOURISTIC SPACE OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. In this research the touristic space of Russian province of post-revolutionary decade is considered to be a form of representation of the state's «politics of memory». The source of information is a variety of Russian provincial guides of 1920s. Published in different cities of the country, these texts fixed the mechanisms, methods and techniques that helped to erase from people's memories important objects of past eras and to replace them with new ones.

Keywords: touristic space, «places of memory», guide, post-revolutionary decade, landmark, interpretation.

Путеводитель – один из самых массовых и востребованных книжных жанров – можно рассматривать как своеобразный способ репрезентации ценностей и смыслов определенной культурно-исторической эпохи. Более того, его можно назвать одним из «инструментов сохранения исторической памяти региона». Собирая на своих страницах набор достопримечательностей, несущих информацию о прошлом, и, тем самым, формируя структуру туристского пространства, книги данного жанра участвуют в создании своеобразной, характерной для эпохи массовой культуры, системы культурной циркуляции, способствуют актуализации памятников истории и культуры.

При обычном течении времени набор памятников, представленных в путеводителях, модифицируется достаточно медленно. Его кардинальное преобразование возможно только при общем изменении социокультурных ориентиров, мировоззренческих установок, которое, как правило, имеет революционный характер. Именно это произошло после революции 1917 г.: радикально изменившиеся представления и ценности повлекли за собой почти полную смену фиксируемого путеводителями списка достопримечательностей и способа их интерпретации.

Если сравнивать образ страны, который создавали бедекеры (так называли путеводители, используя имя известного немецкого издателя путеводителей Карла Бедкера (1801–1859) в качестве нарицательного) XIX – начала XX в. и советские путеводители 1930-х гг., в них обнаруживается чрезвычайно мало точек соприкосновения. Расставляемые акценты, список выделяемых памятников, трактовки событий прошлого отличались настолько радикально, что кажется, будто печатные гиды не просто представляли разные исторические периоды, но водили туриста по разным регионам и городам.

Такие изменения наступили не вдруг, на формирование нового набора региональных «мест памяти» и превращения его в своеобразный канон потребовалось время. Послереволюционное десятилетие как раз стало эпохой постепенных, но неуклонных изменений туристского пространства как «пространства памяти». Анализируя тексты путеводителей 1920-х годов, можно проследить динамику и логику процесса забвения старого и кристаллизации нового.

Стоит отметить, что путеводители, издаваемые в 1920-х гг., в подавляющем большинстве имели небольшой формат и скромный объем. Не только финансовые трудности были причиной подобной краткости. Сократился объем информации, который авторы считали необходимым передавать своему читателю. Соответственно, сократилось количество предлагаемых к осмотру памятников истории и культуры. Новые «места памяти» еще не были сформированы, а о многих старых перестали вспоминать. Только в 1930-х гг. сложится новый каноничный набор советских достопримечательностей – места рождения и героических подвигов революционеров, тюрьмы, места, отмеченные восстаниями и забастовками, музеи пролетарских деятелей культуры и т.д. В путеводителях 1920-х новые объекты, связанные с революцией, почти не фигурировали. В результате послереволюционное десятилетие имело самый скромный объем «официальной» исторической памяти. Путеводители демонстрировали это сокращение объема самым непосредственным образом.

Так, рассказ о Симферополе содержал упоминание всего двух достопримечательностей: «Из достопримечательностей города обращают на себя внимание два музея: Центральный музей Тавриды и Естественно-Исторический музей» [5, с. 4]. В XIX в. крымские бедекеры также считали Симферополь городом, не очень богатым на достопримечательности, но при этом, кроме двух музеев, обязательно упоминали: Зимний и летний театры, Кафедральный собор, Памятник Екатерине Великой и обелиск в честь князя Долгорукова. Памятники «царям и их слугам» были снесены, следовательно, большой пласт истории, память о котором сохраняло городское пространство, был стерт, и путеводители, естественно, не напоминали о нем. Соборы, в том числе кафедральный, продолжали существовать, но ни их историческая значимость, ни художественные достоинства не становились поводом для того, чтобы спасти храмы от приписанного им забвения.

Новым признаком эпохи стало постепенное проникновение в тексты путеводителей революционной риторики: «...все эти курганы, очевидно, усыпальницы боспорских царей и придворной знати – этих крупных феодалов, ведших обширное хлебное хозяйство и рыбные промыслы при помощи эксплуатируемого местного населения» [4, с. 6]; «Родовая аристократия... в сильной мере ограничивала власть хана, притесняла народ и совместно с ханскими сборщиками податей довела его до полного обнищания» [2, с. 4]. За клишированными словосочетаниями все отчетливее проступало новое видение региональной истории, основным двигателем которой выступали классовые противоречия и классовая борьба. В результате менялись трактовки событий, общая картина прошлого.

Как и прежде, памятники архитектуры, в первую очередь, интересовали туристов в качестве свидетелей важных событий, однако их набор изменился. О памятниках астраханского кремля теперь туристы читали следующую информацию: «Много тайн хранит архиерейский дом, башня пыток и бывший боярско-губернаторский двор. В толстых стенах зданий кремля были открыты ниши в рост человека, с железными кольцами, вделанными в стену, и остатками человеческих скелетов. Эти находки говорят, что крепость была застенком, местом пыток и казней простого люда» [6, с. 16]. Еще несколько лет назад тот же памятник служил свидетелем совершенно иных событий: «21 июня 1670 г. многотысячная толпа, предводительствуемая С. Разиным, подступила к стенам города. Стрельцы, изменив долгу, впустили в Кремль разинцев и им же помогали избивать астраханцев. Женщины и дети, спрятавшиеся в соборном храме, – выведены; не пощажены и воевода, раненый и лежавший в храме. Его взял и сбросил с раската сам Разин. Детей воеводы пытали и вешали на стенах Кремля за ноги. Кровь в Кремле лилась ручьями» [3, с. 13–14]. Те исторические персонажи, которые в дореволюционных путеводителях однозначно маркировались как антигерои, в 1920-х гг. еще не стали героями, но уже перестали быть злодеями.

Из текстов путеводителей, и это на первый взгляд представляется странным, исчезли предания, легенды, устные рассказы, которые в изобилии пересказывали авторы путеводителей дореволюционной эпохи. Казалось бы, «рожденные народом», широко распространенные тексты доступны и демократичны, они транслируют «вековые чаяния простого люда». Можно было бы ожидать, что к ним, напротив, будут усиленно обращаться советские бедекеры. Однако этого не произошло: тексты с элементами мистики, религиозных верований и суеверий, с прославлениями князей-героев и монахов-страстотерпцев, не всегда комплиментарные в адрес народных вождей, должны были пройти тот же процесс отбора на лояльность. А до тех пор о них просто предпочли не упоминать. В результате сокращение объема исторической памяти происходило не только за счет коррекции научного знания, но и за счет отказа от устных преданий.

Нельзя не согласиться с утверждением Я. Ассмана о том, что «любая сплывающая группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые являются для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами ее идентичности, а также и опорными пунктами воспоминания. Память нуждается в месте, стремится определиться в пространстве» [1, с. 40]. Но путеводители данного времени не приводили, не описывали ни одного нового «места памяти». Они собирали разрозненные осколки прежних «символов идентичности», иногда давали им иное толкование, но в целом не создавали единой, цельной картины исторического прошлого, на котором бы органично выстраивалось настоящее.

Пространство российских регионов в 1920-х гг. еще сохраняло многие объекты предшествующей эпохи: стояли неразрушенными храмы (их массовый снос начался в 1930-х гг.), не все монументы были снесены, не все здания изменили свою функцию. Однако путеводитель проходил мимо них. Известно, что для большинства туристов памятники, не внесенные в бедекеры, как бы не существуют, они их не видят, проходят мимо них, не останавливаясь. Путеводители 1920-х гг., таким образом, опустошали пространство регионов, вычеркивая из него как несуществующие или несущественные многие объекты. Разница между реальным пространством регионов и пространством текста в 1920-е гг. была максимальной. В 1930-е гг. она сократится за счет «подгонки» реального пространства под уже заданный образ – путем физического уничтожения «мест памяти» предшествовавшей

эпохи. Таким образом, заново осуществлявшееся ментальное освоение пространства опережало освоение физическое: сначала убрали из поля внимания, из памяти, из сознания, а только потом – из реальности.

Кроме того, расширение исторической памяти за счет целенаправленного создания новых «символов идентичности» будет осуществляться, начиная с 1930-х гг. Для того, чтобы они появились в текстах бедкеров, напротив, потребуется их первоначальное конструирование в реальности. Вычеркнув реально существующее, бедкеры не могли его заменить новым, пока оно не возникло в пространстве. В результате историческая память 1920-х гг. в ее официальном изводе, который транслировали путеводители, была наименее объемной. Новое сословие еще не создало своей истории, а старое транслировало осколки старой, старательно предавая забвению то, что не вписывалось в новые идеологические установки.

Литература:

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 368 с.
2. Астрахань в кармане. Иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань: Изд. «Коммунист», 1925. 180 с.
3. Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Изд. 1. Н. Новгород: Лит. Нижегород. губ. правл., 1894. 252 с.
4. Марти Ю.И. Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926. 60 с.
5. Путеводитель по Крыму / Под ред. А.И. Марковича и др. Симферополь: Крымиздат, 1923. 86 с.
6. Спутник по Ярославлю на 1928 год. Ярославль, 1928. 164 с.

References:

1. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2004. 368 s.
2. Astrahan' v karmane. Illjustrirovannyj al'manah-ezhegodnik. Astrahan': Izd. «Kommunist», 1925. 180 s.
3. Dem'janov G.P. Putevoditel' po Volge: ot Tveri do Astrahani. Izd. 1. N. Novgo-rod: Lit. Nizhegor. gub. pravl., 1894. 252 s.
4. Marti Ju.I. Putevoditel' po kerchenskimi drevnostjam. Kerch', 1926. 60 s.
5. Putevoditel' po Krymu / Pod red. A.I. Markovicha i dr. Simferopol': Krymiz-dat, 1923. 86 s.
6. Sputnik po Jaroslavlju na 1928 god. Jaroslavl', 1928. 164 s.

Сведения об авторе

Ирина Ильинична **Руцинская**, доктор культурологии, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 61 (091)

ОБЗОР РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ПСИХИАТРИИ

Ю.А. Сучков, Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: ngkpb1@mail.ru

А.С. Карезин, Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: ngkpb1@mail.ru

Аннотация. В статье сформулировано определение понятия «революция в психиатрии». Представлены некоторые мнения о революциях в мировой психиатрии. Анализируются радикальные изменения, имевшие место в российской психиатрии XIX–XX вв.

Ключевые слова: революция в психиатрии, социальная реабилитация, психически больные, но-рестрент.

REVIEW OF REVOLUTIONS IN RUSSIAN PSYCHIATRY

Abstract. The article formulates definition of the notion «revolution in psychiatry». It provides some standpoints about revolution in the world psychiatry. It analyzes radical changes in Russian psychiatry that took place in the 19th and 20th centuries.

Keywords: revolution in psychiatry, social rehabilitation, the mentally deranged, no-restraint.

Анализ истории отечественной и мировой психиатрии позволяет более глубоко понять сложившуюся ситуацию и строить прогнозы дальнейшего развития этой отрасли медицины, что, в свою очередь, дает возможность более эффективно планировать работу не только на уровне государства, но и в масштабах конкретного лечебного заведения. Вот почему мы обращаемся к истории революций в отечественной психиатрии.

Революции в психиатрии проявляются в следующих сферах:

1. Научные представления о психическом здоровье и патологии, причинах психических заболеваний, их проявлениях, сущности.
2. Методы лечения психических расстройств.
3. Формы оказания психиатрической помощи.
4. Отношение к душевнобольным в обществе, проблемы социальной реабилитации душевнобольных.

Революции в мировой психиатрии. Ю. Каннабих выделил три революционные «эпохи», охватывающие период с конца XVIII до начала XX вв.: 1) эпоха Пинеля; 2) эпоха Конолли; 3) эпоха Крепелина [2, с. 20–21].

Первые две «эпохи» и, отчасти, третья являются этапами перехода от практики подавления симптомов психических расстройств с помощью цепей, помещения больных в тюрьмы и т.д. к гуманизации содержания психически больных и введению в больницах режима нестеснения (но-рестрент). Третья эпоха связана с деятельностью выдающегося психиатра Э. Крепелина, одного из основателей клинко-биологического направления в психиатрии. Для периодизации Каннабиха характерно чрезмерное дробление периода развития но-рестрента. Кроме того, он был сам сторонником клинко-биологического направ-

ления и, выделив «эпоху Крепелина», тем самым недооценил значение открытий З. Фрейда и его учеников, представителей второго, психологического, направления в психиатрии.

Представители антипсихиатрического движения выделяли три революции в психиатрии: 1) движение против процессов над колдунами и ведьмами в XVI–XVII вв., 2) норрестрент (реформа Ф. Пинеля и др.), 3) изменения, произошедшие в западной психиатрии в 1960–1970-е гг., связанные с антипсихиатрическим и антигоспитальным движением.

Авторы российского Национального руководства по психиатрии (2009), не оспаривая первые две революции, выделяемые антипсихиатрами, оспаривают приоритетное влияние антипсихиатров на коренные изменения, произошедшие во второй половине XX в. в психиатрии стран Запада [6, с. 66–67].

Мы, со своей стороны, склонны поддержать авторов «Национального руководства...» в вопросе о «третьей революции» и не согласиться с обеими точками зрения по поводу первой (движение против процессов над ведьмами). Мы полагаем, что стремление связать движение против «охоты на ведьм» с развитием психиатрии является проявлением неоправданной патологизации колдунов, ведьм и магических практик. Эта патологизация была характерна для врачей уже в XIX в. Как писал М. Фуко, «всякий раз, когда медики анализировали конвульсию, их целью было еще и показать, что феномены колдовства и феномены одержимости были на самом деле всецело патологическими феноменами» [9, с. 270]. Собственно, достаточно дискуссионно говорить о каких-либо *революциях в психиатрии* до конца XVIII – начала XIX вв., поэтому мы выделяем в истории зарубежной психиатрии следующие революции: 1) изменения, введенные Пинелем и продолжателями его дела, 2) изменения на рубеже XIX–XX вв., когда сложились два основных направления психиатрии – клинико-биологическое и психологическое, 3) изменения, произошедшие в 1960–1970-х гг.

Революции в отечественной психиатрии. Согласно нашей рабочей гипотезе, их было три. Первой из них стала революция в рамках земской психиатрии, связанная с развитием новых форм помощи (больницы-колонии, патронаж), введением мер нестеснения, распространением отношения к расстройствам психики как к болезням, а не как к результату грехов [1, с. 112]. Эта революция была следованием зарубежным тенденциям в оказании психиатрической помощи.

Кардинальные изменения произошли в отечественной психиатрии после событий 1917 г. В рамках этих изменений происходило не только освоение в СССР зарубежного опыта, но и разработка методов и подходов, являвшихся отечественными новациями. К этим изменениям следует отнести создание единой медицинской (и – уже – единой психиатрической) службы, первого в мире министерства (наркомата) здравоохранения, огосударствление (ликвидация земской) системы психопомощи [10, с. 367; 4, с. 137]. В 1920-е гг. кардинальные изменения были связаны с развитием психопрофилактического направления, которое И.Е. Сироткина связывает с идеей создания в СССР «нового человека» [7, с. 204]. Продолжением этих революционных изменений стал переход в начале 1930-х гг. к активной терапии психозов, до того считавшихся неизлечимыми, создание в 1920–1930-е гг. первых в Европе дневных стационаров, разработка Я.Г. Ильоном (одновременно с западным психиатром Н. Simon) реабилитационного направления психиатрии, направленного на возвращение больных в общество [8]. Исследования Г.Е. Сухаревой в области детской психиатрии были приоритетными по отношению к зарубежным.

Последняя на данный момент революция произошла в российской психиатрии в 1990-е гг. К основным изменениям в системе отечественной психопомощи следует отнести: 1)

принятие (1992) принципиально нового законодательства о психическом здоровье [5]; 2) переход от патерналистской модели отношений врача и психически больного пациента к модели партнерских отношений; 3) ликвидация разрыва между отечественной и мировой наукой в области психиатрии (внедрение биопсихосоциальной модели развития психических расстройств); 4) перенос акцента оказания помощи со стационарных во внебольничные условия [3, с. 6]; 5) отказ от ряда старых методов лечения (инсулинокоматозная терапия, пирогенная терапия); 6) использование новейших фармацевтических средств для лечения психических расстройств; 7) внедрение современных форм психотерапии.

Изменения в отечественной психиатрии, произошедшие в 1990-е гг., были, в значительной степени, ликвидацией отставания от мировой психиатрии, пережившей революцию в 1960–1970-е гг.

Подводя итоги, стоит сказать, что первая революция в отечественной психиатрии заключалась в освоении зарубежного опыта реформирования этой сферы, вторая была во многом передовой не только для советской, но и для мировой медицины. Относительно третьей революции можно сказать, что, хотя она и была связана с ликвидацией разрыва между психиатрией России и развитых стран, тем не менее, не сводилась к механическому заимствованию западного опыта оказания психопомощи, а означала его конструктивное соединение с лучшими традициями нашей национальной школы.

Литература:

1. Александровский Ю.А. Человек побеждает безумие (Записки психиатра). – М.: Изд-во «Советская Россия», 1968. 148 с.
2. Каннабих Ю.В. История психиатрии / отв. за выпуск А.А. Жигарьков. М.: ЦТР МПГ ВОС, 1994. 528 с.
3. Коцюбинский А.П., Бутома Б.Г., Еричев А.Н. Тенденции развития внебольничных форм обслуживания психически больных в нашей стране и за рубежом // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2013. № 1. С. 6–15.
4. Лиманкин О.В., Чудиновских А.Г. Петр Петрович Кащенко. Жизнь и судьба. СПб.: Изд-во «Ковчег», 2009. 216 с.
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании. Закон Российской Федерации. М.: Изд-во НПА, 1993. 32 с.
6. Психиатрия: Национальное руководство / отв. ред. Ю.А. Александровский. М.: Изд-во «ГЭОТАР-Медиа», 2009. 1000 с.
7. Сироткина И.Е. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века / Перевод с английского автора. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
8. Стоюхина Н.Ю., Кочетков Д.И. Социально-трудовая терапия и психопрофилактика в трудах Я.Г. Ильона: проблема психотехники и психиатрии // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XVII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013.
9. Фуко М. Ненормальные (Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году) / пер. А.В. Шестакова. СПб.: «Наука», 2005. 432 с.
10. Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. М.: Медгиз, 1951. 480 с.

References:

1. Aleksandrovskij Ju.A. Chelovek pobezhdaet bezumie (Zapiski psihiatra). – M.: Izd-vo «Sovetskaja Rossija», 1968. 148 s.
2. Kannabih Ju.V. Istorija psihiatrii / otv. za vypusk A.A. Zhigar'kov. M.: CTR MPG VOS, 1994. 528 s.
3. Kocjubinskij A.P., Butoma B.G., Eriчев A.N. Tendencii razvitija vnebol'nichnyh form obsluzhivaniya psihicheski bol'nyh v nashej strane i za rubezhom // Obozrenie psi-hiatrii i medicinskoj psihologii im. V.M. Behtereva. 2013. № 1. S. 6–15.
4. Limankin O.V., Chudinovskih A.G. Petr Petrovich Kashhenko. Zhizn' i sud'ba. SPb.: Izd-vo «Kovcheg», 2009. 216 s.
5. O psihiatricheskoj pomoshhi i garantijah prav grazhdan pri ee okazanii. Zakon Rossijskoj Federacii. M.: Izd-vo NPA, 1993. 32 s.
6. Psihiatrija: Nacional'noe rukovodstvo / otv. red. Ju.A. Aleksandrovskij. M.: Izd-vo «GJeOTAR-Media», 2009. 1000 s.
7. Sirotkina I.E. Klassiki i psihiatry: Psihiatrija v rossijskoj kul'ture konca XIX – nachala XX veka / Perevod s anglijskogo avtora. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 272 s.
8. Stojuhina N.Ju., Kochetkov D.I. Social'no-trudovaja terapija i psihoprofilaktika v trudah Ja.G. Il'ona: problema psihotekhniki i psihiatrii // Innovacii v nauke: sb. st. po mater. XVII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, 2013.
9. Fuko M. Nenormal'nye (Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebno godu) / per. A.V. Shestakova. SPb.: «Nauka», 2005. 432 s.
10. Judin T.I. Ocherki istorii otechestvennoj psihiatrii. M.: Medgiz, 1951. 480 s.

Сведения об авторах

Юрий Александрович **Сучков**, главный врач, Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода (Нижний Новгород, Россия).

Александр Сергеевич **Карезин**, заведующий музеем, Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 316.4:331

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ

Т.М. Хусяинов, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" - Нижний Новгород; «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Нижний Новгород, Россия), e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. Автор данной работы анализирует основные тенденции в сфере трудовых отношений, и влияние на происходящие изменения в контексте Информационной революции.

Ключевые слова: занятость, трудовые отношения, научно-техническая революция, Информационная революция, труд.

THE INFORMATION REVOLUTION AND THE TRANSFORMATION OF EMPLOYMENT

Abstract. The author of this paper analyzes the main trends in the field of labor relations and the impact of the changes taking place in the context of the information revolution.

Keywords: employment, labor relations, scientific and technical revolution, information revolution, labor.

Научные и технические достижения формируют новую картину мира – новые факты требуют серьёзного пересмотра теоретических оснований науки или возникновения дополнительной частной теории; разница заключается лишь в масштабе этих изменений. В рамках концепции Томаса Куна научная революция, являющаяся качественно новым этапом в развитии знаний о мире, определяется как смена одной парадигмы другой [2].

Научно-техническая революция (НТР) – один из наиболее важных феноменов, который влияет на все стороны жизни общества и каждого его члена, представляя собой глобальный процесс, который затрагивает все страны, вне зависимости от их социально-экономического и социально-политического развития. В узком смысле НТР является коренной перестройкой технических основ материального производства на основе превращения достижений науки в ведущий фактор производства. Постоянное развитие общественного производства и достижение новых знаний являются фундаментальной основой экономической жизни человечества.

В современной науке существуют различные подходы к рассмотрению НТР и её периодизации. Так, Элвином Тоффлером выделены три «волны» в развитии общества: аграрная, индустриальная и информационная [5]. А.И. Ракитов говорит о пяти революциях, связывая каждую из них с развитием в области информации: появление языка, изобретение письменности, изобретение книгопечатания, изобретение телефона и телеграфа, изобретение компьютеров и возникновение сети Интернет [4]. Классик теории постиндустриального общества – американский социолог Дэниэл Белл выделяет три НТР: 1) изобретение паровой машины; 2) крупные достижения в области электричества и химии; 3) созда-

ние компьютеров [1]. Словак Даниэль Смихула предложил выделение технических революций, разделив при этом их на две группы: в первую вошли те, которые произошли в до-современную эпоху; во вторую те, которые относятся уже к современной эпохе; а рубежом, их разделяющим, является 1600 г. [7].

Проблема трудовой деятельности является одной из фундаментальных в развитии и функционировании человеческого общества. Достижения в науке и технике оказывают существенное влияние на социально-трудовые отношения, структуру трудовых сил: формируются новые группы, иерархия, сферы деятельности; одни профессии исчезают, а им на смену приходят новые.

Последние века характеризуются активным созданием и внедрением разного рода техники, которая снижает затрачиваемые на труд усилия и, стало быть, может существенно снижать потребность в количестве работников или вовсе заменять человеческий труд, автоматизируя его и повышая эффективность производства. Наука в этом процессе играет наиболее значимую роль, выступая генератором идей и превращаясь в непосредственную производительную силу, что является одной из важнейших характеристик НТР.

В контексте последней научно-технической революции, которую многие исследователи связывают, прежде всего, с созданием и бурным развитием компьютерной техники и Интернет-технологий, произошли серьёзные изменения в социально-трудовой структуре общества. Нарастают процессы информатизации, а затем и виртуализации, децентрализации в организации трудовых отношений, дестандартизации в производстве – ориентации не на массовое производство, а на создание уникального продукта. В сельском хозяйстве ведущую роль начинают играть электрофикация, механизация, мелиорация и химизация. На фоне этого значительно возрастает доля сферы услуг, в экономически развитых странах она занимает основную часть экономики (свыше 60%).

В новых условиях происходящие изменения обуславливают рост значения специальных знаний, профессиональной подготовки, образования и общей культуры человека. Стандартные формы и виды занятости уступают место атипичным (по меркам современности), а общество стремится к экономической свободе, эффективности и обеспеченности, что приводит к формированию новой структуры трудовых отношений, где физически тяжёлую работу выполняют роботы и автоматизированные системы, геновая инженерия постепенно заменяет традиционное сельское хозяйство, а сфера услуг становится ещё более гибкой – каждый может стать свободным агентом, предлагающим свой собственный набор услуг. Последняя научно-техническая революция, которая относится к 1960–1980 гг., «Третья волна», по Тоффлеру, стала причиной «Третьей профессиональной революции», концепцию которой выдвинул Г. Перкин [6]. По его мнению, новые условия, новые требования рынка труда приводят к формированию новой категории работников – транспрофессионалов. В ходе глобальных изменений на рынке труда на первый план выдвигаются люди, которые относятся к представителям свободных профессий и готовы за счёт своего мышления и разных способов организации деятельности работать в различных профессиональных средах. Они не привязаны к какой-либо организации, могут свободно входить и выходить из организационной структуры. А решение сложных задач происходит средствами проектных команд.

При этом формируемое информационное общество для многих социологов представляется уже как «общество без труда», что связывается с сокращением периода эконо-

мической активности и времени пребывания на рынке труда, ростом безработицы и доли занятых неполный рабочий день.

Однако мы придерживаемся другой точки зрения, которая имеет место в современной науке. Будущее сохраняется за трудом, однако труд в этом случае будет представлен в новых, ранее неизвестных формах и наполнится новым содержанием, как то и происходило на протяжении всей истории, а сейчас наблюдается ярче всего в сегменте Интернет-занятости.

К. Маркс отмечал, что на высокой ступени развития крупной промышленности «труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. Вместо того чтобы быть главным агентом производства, рабочий становится рядом с ним» [3, с. 197]. В ходе научно-технических достижений производственный процесс постепенно освобождается от ограниченных возможностей человеческого организма, прежде всего физической силы, а затем и скорости реакции, зрительных возможностей; интеллектуальный труд всё больше преобладает над физическим. Современный рабочий претендует на функции владельца и управляющего капиталом.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Маркс К. Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Маркса 1857–1859 годов). М.: Политиздат, 1987. 463 с.
4. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: По-литиздат, 1991. 287 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 525 с.
6. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L.: Routledge, 1996. 272 p.
7. Smihula D. Long waves of technological innovations // Studia politica Slovaca. 2011. №2. PP. 50–69.

References:

1. Bell D. Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo. M.: Academia, 1999. 956 s.
2. Kun T. Struktura nauchnyh revoljucij. M.: AST, 2003. 605 s.
3. Marks K. Pervonachal'nyj variant «Kapitala» (Jekonomicheskie rukopisi K. Marksa 1857–1859 godov). M.: Politizdat, 1987. 463 s.
4. Rakitov A.I. Filosofija komp'juternoj revoljucii. M.: Po-litizdat, 1991. 287 s.
5. Toffler Je. Tret'ja volna. M.: ACT, 1999. 525 s.
6. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L.: Routledge, 1996. 272 p.
7. Smihula D. Long waves of technological innovations // Studia politica Slovaca. 2011. №2. PP. 50–69.

Сведения об авторе

Тимур Маратович **Хусяинов**, аспирант кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; менеджер факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономика" - Нижний Новгород; технический редактор, научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 001.16

ТЕХНИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИИ НА ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА

Г.А. Ширшин, Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия), e-mail: shirgai@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается механизм взаимосвязи технической и социальной революций, развивающихся на базе взаимодействия науки и производства. Доказывается, что основной социологический закон К. Маркса не объясняет механизма взаимосвязи технической и социальной революций, поскольку не учитывает развивающегося взаимодействия науки и производства.

Ключевые слова: техническая, социальная революция, наука, производство, труд, научное сообщество.

TECHNICAL AND SOCIAL REVOLUTIONS ON THE VERGE OF INTERACTION OF SCIENCE AND INDUSTRY

Abstract. The article discusses the mechanism of relationship between technical and social revolutions, developing on the basis of interaction between science and production. It is proved that the basic sociological law of Karl Marx does not explain the mechanism of interaction between scientific and social revolutions because they do not take into account the growing interaction between science and production.

Keywords: technical, social revolution, science, production, labour, scientific community.

Начиная со второй половины XIX века стало почти трюизмом утверждать, что радикальные технико-технологические изменения с необходимостью ведут к социальным революциям и наоборот. Двадцатый век сопровождался каскадом технологических и социальных революций, однако осознание механизмов взаимной зависимости технико-технологической и социальной революций до сих пор остается проблемой. Продвинуться по пути решения данной проблемы – задача данной статьи.

Основной социологический закон К. Маркса объясняет и прогнозирует неизбежность социальных революций, обусловленных техническими потрясениями. Содержание этого закона включает две главные идеи. Одна из них состоит в открытии того факта, что отношение людей к природе осуществляется в форме их отношений между собой.

Другая идея состоит в том, что общение между людьми по поводу производства материальных благ, названное Марксом «производственные отношения», изменяется в соответствии с характером и уровнем развития производительных сил общества. Под характером в данном случае понимается совокупность природных сил, свойств и ресурсов, входящих в орбиту материально-производственной деятельности, а под уровнем – растущая степень самодвижения технических устройств и технологий, созданных субъектом производства. Если по тем или иным обстоятельствам развитие производственных отношений

катастрофически отстает от развития производительных сил, то неизбежно наступает социальная революция.

Если первая идея до сих пор не вызывает сомнений, то вторая превратилась в арену жесточайших споров. Она стала теоретико-мировоззренческим оправданием революционного насилия, логико-методологической основой формационной классификации исторических этапов общественной жизни, а также технико-экономического и социально-политического прогнозирования. Поскольку в современных условиях прогностическая функция этой идеи утрачена, постольку корректность основного социологического закона по поводу механизма взаимосвязи технических и социальных революций вызывает сомнение.

Применимо ли действие основного социологического закона к жизни общества после неолитической революции, когда возникло специфическое обособление древнего скотоводства, земледелия, ремесленничества, физического и умственного труда? Физический (материальный) труд был деятельностью, направленной на освоение природы, а умственный (духовный) труд стал деятельностью, направленной на освоение эмоционально-идейного мира людей. Хозяйственно-трудовая деятельность человека была синкретической, поскольку практическая и познавательная стороны отношения к природе не имели между собой промежуточных звеньев, то есть ни один из указанных выше видов труда еще не был дифференцирован на специфически обособленные друг от друга виды деятельности – практическое изменение и специализированное исследование природы. Следовательно, производства в «чистом» виде, т.е. очищенном в каждой позиции от познавательных процедур, не существовало, а, значит, не существовало и соответствующих им производственных отношений между людьми. Разумеется, какой-то тип отношений между скотоводами или земледельцами, или ремесленниками по поводу осуществляемой ими хозяйственно-трудовой деятельности, непременно существовал, но их принципиально нельзя отнести ни к производственным, ни к ведическим, а лишь к каким-то синкретным. Таким образом, основной социологический закон Маркса не применим для анализа той части общественной истории, которая существовала до разделения труда на практику и познание. Это означает, что методологическая роль так называемой «пятичленки» сужается.

Развитие хозяйственной деятельности древних тружеников все чаще при освоении природных ресурсов сталкивало их наряду с чувственно наблюдаемыми свойствами, также и чувственно ненаблюдаемыми. Настал момент, с которого в объектах хозяйственно-трудовой деятельности древних скотоводов, земледельцев и ремесленников стали преобладать с нарастающей тенденцией чувственно ненаблюдаемые свойства и зависимости. Возникали парадоксы, когда один и тот же объект синкретно-хозяйственной деятельности воспроизводился в сознании древнего труженика одновременно и в чувственно-созерцательной и абстрактно-логической картинах, далеко не совпадавших по содержанию. Чем чаще удовлетворяются растущие потребности древних скотоводов, земледельцев и ремесленников за счет новых природных сил и ресурсов, выходящих за рамки сенсорно осязаемой реальности, тем чаще субъект хозяйственно-трудовой деятельности был дезориентирован. Так возник и углублялся кризис синкретизма. Его преодоление стало возможным только путем специфического обособления познавательной деятельности от производственно-практической. С этого момента возникло производство, в чистом виде, т.е. специфически обособленном от познавательной деятельности. При этом очень важно отметить одновременность их возникновения, подчеркнув, тем самым, ложность утвержде-

ния о первичности практики по отношению к специализированному познанию. Именно с этого момента стали формироваться производственные отношения как особый тип общения людей по поводу создания материальных благ. Логично предположить, что одновременно с производственными отношениями стали формироваться отношения между людьми по поводу специализированно-исследовательской деятельности, назовем их условно *познающностными*. Достоверность такой гипотезы поливероятна, хотя бы уже потому, что и в Античном мире, и Древнем Востоке, и Древнем Египте творили первые ученые, число которых было крайне мало по сравнению с носителями производственно-практической деятельности. Кстати, в этом нашло себя одно из проявлений неравномерности развития познания и практики, науки и производства. Международное научное сообщество в современном смысле этого слова начало формироваться в Европе в XVI–XVII вв., однако первые, становящиеся, не связанные друг с другом отдельные группы научного сообщества возникли с той поры, когда произошло разделение труда на практику и познание, науку и производство. Отношение общества к природе стало осуществляться специфически автономными способами –практическим (производственным) и познавательным (научно-исследовательским). Отношения между людьми по поводу и производственно-практической, и научно-познавательной деятельности существенно усложнились. Однако К. Маркс не видел в самом научном познании предметно-деятельной структуры и поэтому считал, что процесс естественно-научного исследования не имеет самостоятельного выхода к природе, минуя практику. Отсюда проистекает его несбыточный прогноз о превращении науки в непосредственную производительную силу, а также утопический тезис о пролетариате как референтной социальной группе. Таким образом, основной социологический закон чрезмерно упрощает связь между технической и социальной революцией по той причине, что игнорируется паритетность науки и производства в процессе их совместного развития.

Исторически первым разделением на науку и производство претерпел физический (материальный) труд. Это утверждение хорошо подкрепляется тем весьма крупным и бесспорным историческим фактом, что становление и развитие социально-гуманитарных наук на много веков отстало от естествознания. В результате разделения древнехозяйственной деятельности возникли наука, производство и обыденный опыт. Сохранение и дальнейшее совершенствование обыденного опыта обусловлено объективным существованием чувственно наблюдаемой реальности. В силу этого особой чертой его является повторяемость, навык, логическая обработка ощущений. Обыденный опыт частично входит как в производство, так и научную деятельность и, поскольку непосредственная связь между последними принципиально невозможна, то выполняет функцию их опосредствующего звена.

Совместное развитие науки и производства является самоорганизующейся системой, осуществляется в формах внутренней и внешней взаимосвязи, представляющих собой целостное множество опосредствующих звеньев. Техника и технология являются важнейшим продуктом взаимодействия науки и производства, но частично выполняют функцию их внутренней взаимосвязи. Таким образом, все технические революции порождаются союзом науки и производства. Этот союз обладает способностью негэнтропийного развития. Производительный труд лишь тогда обретает свойство самовозрастающей стоимости, когда он находится в состоянии противоречивого единства с научной деятельностью, открывающей спонтанные процессы в природе и изобретающей на основе новейших знаний о них социально приемлемую форму функционирования таких процессов. Новые техниче-

ские сооружения и технологии ломают привычный образ жизни, вводят новые массовые профессии и, тем самым, вытесняя старые, меняют ритм общественной жизни и создают необходимость введения новых социальных норм, правил и образцов поведения.

Исследуя духовный мир людей, находящийся под влиянием традиционных отраслей духовной практики, таких как обучение, воспитание, художественная, правовая, политическая деятельность, религиозная практика и др., гуманитарные науки рисуют качественно новую картину духовного мира и создают новую методологию его изучения и формирования.

Четвертая информационная революция с ее программно-вычислительными устройствами, информационными технологиями, компьютером, интернетом сбросила индустриальное производство с пьедестала приоритетности тем, что существенно изменило его традиционную структуру, дополнив практическое воздействие на материальный мир практическим воздействием на умы и чувства людей. Чтобы сегодня успешно осуществлять производство любого материального продукта, необходимо изучать маркетинговыми методами потребности, интересы и вкусы массового потребителя, влиять на общественное мнение путем проведения PR-кампаний, а также различными рекламными средствами. Таким образом, производство идей перестало быть уделом только научного познания, а стало прерогативой духовной практики в лице СМИ и коммуникативных технологий.

Современные социальные революции, независимо от направленности интересов, целей и задач, становятся результатом организованного соединения духовной практики и гуманитарного исследования. Если с союзом естественнонаучного и производственного отношения к природе социальная революция связана опосредованно, то с единством гуманитарного исследования и духовной практики – непосредственно. Техническая же революция – точно наоборот.

Сведения об авторе

Геннадий Алексеевич **Ширшин**, кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия).

Раздел III. Революции в науке и технологии

УДК 17.011:17.022.1:167.7

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СФЕРЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Я.С. Яскевич, Белорусский государственный экономический университет
(Минск, Беларусь), e-mail: isgo@bseu.by

Аннотация. В статье раскрывается статус научной революции в представлениях о человеке в результате использования биомедицинских исследований. С точки зрения постнеклассической рациональности и трансдисциплинарно-синергетической методологии раскрываются механизмы ценностно-антропологического поворота в современном биоэтическом знании при использовании биомедицинских технологий и экспериментов, обосновывается необходимость морального и правового регулирования биобезопасности человека.

Ключевые слова: биомедицинские исследования, гуманитарная экспертиза, постнеклассическая рациональность, синергетическая методология, трансдисциплинарность.

SCIENTIFIC REVOLUTION IN THE SPHERE OF BIOMEDICAL RESEARCHES OF THE HUMAN

Abstract. In the article the status of scientific revolution in ideas of the person as a result of use of biomedical researches is being emphasized. From the point of view of post-nonclassical rationality and transdisciplinary-synergetic methodology mechanisms of valuable and anthropological turn in modern bioethical knowledge when using biomedical technologies and experiments are being revealed, the need for moral and legal regulation of biosafety of the person is being explained.

Keywords: biomedical researches, humanitarian examination, post-nonclassical rationality, synergetic methodology, transdisciplinarity.

Научная революция знаменует собой новый этап в развитии науки, радикальное изменение процесса и содержания самой системы научного познания, переход к новым теоретико-методологическим основаниям, к новым фундаментальным понятиям и методам, к новой научной картине мира. Такая фундаментальная и глобальная революция происходит на современном этапе в представлениях о человеке, в силу активного использования био-, нано-, информационных и иных технологий. В современных исследованиях человека при всех взаимопереплетениях социальных, биомедицинских и философско-методологических детерминант ведущую роль начинают играть биологические, генетические подходы, биотехнологии, в результате чего происходят радикальные модификации его телесного и психического существования.

Специфической особенностью развития науки с конца XX века является то, что рост научного знания как бы стирает жесткие границы между отдельными науками. В ситуации, когда происходит «размывание» границ между конкретными науками, осуществляется и своеобразное «размывание» границ специальных научных картин мира. С одной стороны, общенаучная картина мира предстает как некая целостность, в которой обязательно должны быть специальные научные картины мира. Но, с другой стороны, само существование

специальных картин мира в качестве особых форм систематизации знания и их функционирование оказывается возможным только при условии универсального целого – общенаучной картины мира, поскольку любая специальная научная картина мира в самой себе содержит элементы общенаучной картины мира, и иначе она уже не может существовать [4, с. 294].

Постнеклассический этап развития науки в исследовании человека отличается не просто интеграцией научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдисциплинарных связей. *Трансдисциплинарность* как фундаментально-интегративный и системно-комплексный принцип, несомненно, сохраняет необходимость использования дисциплинарного знания (биологического, медицинского, генетики и т.д.). Вместе с тем, данный принцип расширяет рамки дисциплинарной науки, ориентирует исследователя на выход в пограничную с жизненным миром сферу, повседневную практику при изучении экзистенциальных проблем человеческого бытия в контексте высоких биотехнологий, актуализации биомедицинских экспериментов, генетических исследований, трансплантации, эвтаназии, необходимости морально-этического и правового регулирования биобезопасности человека, а также регулирования этических проблем по применению новых генно-инженерных технологий. Наряду с междисциплинарными стратегиями одно из центральных мест в постнеклассической науке в целом, в биомедицинских и генетических исследованиях, в частности, занимает *синергетическая методология*, определяя практику моделирования саморазвивающихся систем. В контексте современного антропологического поворота и изучения человекомерных систем синергетика сегодня формирует синергетическую методологию, как особый метауровень культуры, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности [2, с. 361–396].

Особое внимание привлекает сегодня генетика человека, в частности, то, что связано с изучением его генома, нейронаука (*neuroscience*), изучающая мозг, как основу человеческого поведения, различные биомедицинские науки, способные вызвать глубокие и радикальные изменения в человеке посредством воздействия на него. Отмечая научные и экономические перспективы генной инженерии, необходимо иметь в виду и ее потенциальную угрозу для человека и человечества. Этические проблемы генетических исследований регулируются Всеобщей декларацией о геноме человека и правах человека, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1997). Достоинство этого документа – в сбалансированности между гарантиями соблюдения прав человека и необходимостью обеспечения свободы исследований. Кроме того, Декларация сопровождается резолюцией о ее осуществлении, в которой государства-члены обязуются принять соответствующие меры содействия реализации провозглашенных в ней принципов.

Одним из наиболее проблематичных в этическом отношении является такое направление как *клонирование*. Достигнут огромный прогресс в клонировании животных из соматических клеток, реальные результаты и успехи показали теоретическую возможность создания генетических копий человека из его отдельной клетки. Многие ученые с энтузиазмом восприняли идею клонирования человека. В то же время в ст. 11 Декларации о геноме человека говорится, что не следует допускать практику, противоречащую достоинству человека, в частности, практику клонирования в целях воспроизводства человеческой особи. Совет Европы в дополнении к Европейской конвенции о правах человека и биомедицине также подчеркнул: «Запретить всякое вмешательство, преследующее цель создать человеческую особь, идентичную другой – живой или мертвой».

Подобные нравственные и правовые проблемы возникают сегодня и в связи с глобальными достижениями психиатрии, нейрохирургии и нейробиологии, благодаря проникновению науки в глубь психики и структуры сознания личности, в связи с возможностью вмешиваться в эту структуру и влиять на нее с помощью современных био-, фармо- и психотехнологий.

Радикальные повороты постнеклассической науки, связанные с включением в ее арсенал идей глобального эволюционизма, синергетических принципов нелинейности, открытости, многовариантности, этических и аксиологических аргументов оказали сильнейшее влияние на теоретико-методологические исследования в области психики человека. Здесь не обойтись без междисциплинарного взаимодействия не только внутри гуманитарных или внутри естественных наук, но и диалога на «перекрестках» естественных и гуманитарных наук, медицины и техники, математики и кибернетики с учетом их инновационных знаний [5, с. 472]. Синергетическая модель психики радикально расширяет горизонты исследования тайн человеческой психики. В этом контексте понятен и предмет новой научной дисциплины – *психосинергетики*, в качестве которого выступает круг психомерных сред как открытых нелинейных самоорганизующихся систем, в формировании и существовании которых существенным фактором становится психика человека, ее состояние и структура. Когда психомерная система находится в крайне неравновесном состоянии, ее «судьбу» и «разрешимость» могут определять очень малые события (флуктуации), на которые обычно, т.е. в устойчивом состоянии, состоянии равновесия, эта система не реагирует. Следует иметь в виду, что крайне неравновесное состояние играет важнейшую роль в поведении психомерных сред [3, с. 471].

Особую роль сегодня выполняют *нанотехнологии* – технологии работы с веществом на уровне отдельных атомов в отношении модификации человека, его физического и психического здоровья, биологической природы. При внедрении в человеческий организм подобных «продуктов», произведенных с использованием био- и нанотехнологий можно предотвратить старение клеток, способствовать улучшению и перестройке тканей человеческого организма, продлить жизнь, «выключить» старение, переделать программу, записанную в ДНК. Но как это отразится на последующем состоянии человека, его здоровье, во многом зависит от механизмов этического регулирования, использования наноматериалов, изучения их влияния на долгосрочную перспективу человеческого существования.

Все более актуальной проблемой становится организация гуманитарной экспертизы в области разработки инновационных проектов, оценки последствий использования нанотехнологий. Задача *гуманитарной экспертизы* – выявление и оценка как позитивных эффектов новых технологий, так и возможных негативных последствий их применения. Типовые ситуации биоэтики, ориентированной на регулирование биотехнологий, в ракурсе сопряжения, объединения и использования нанотехнологий, порождают такой «синергетический букет» в оценке поведения сложных комплексных объектов, что требует разработки инновационных, методологически ангажированных подходов, «неподвластных» биоэтике с ее уже сложившимися принципами, концептуальным аппаратом и методами. При объединении ключевых технологий в единое направление – *NBIC-технологии* (нано-, био-, инфо-, когнитивные науки) приоритет отдается нанотехнологиям, выступающим в качестве своего рода платформы, позволяющей объединить информационные и биотехнологические идеи ученых, делающих инновационные прорывы. С методологической точки зрения поиск адекватного способа распределять риски является одной из трудно разрешимых проблем на-

нотехнологий. Рациональные формы отношения к нанотехнологии позволяют включать их в экономический и этико-гуманитарный дискурс с установкой на разработку соответствующих кодексов, рекомендаций, экспертных выводов и заключений [1].

Таким образом, усилия ученых в области биомедицинских, генетических, нанотехнологических и других исследований приводят к радикальным, революционным изменениям наших представлений о человеке, его настоящем и будущем, требуя необходимости этической экспертизы проводимых междисциплинарных исследований, чтобы не потерять контроль над последствиями своей деятельности.

Литература:

1. Беялетдинов Р.Р. Роль этико-философской рефлексии в формировании перспективы развития нанотехнологий в исследованиях науки, общества и технологий (STS) // Нанотехнологии и общество: Коллективная монография / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 104–116.

2. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 361–396.

3. Ершова-Бабенко И.В. Место психосинергетики в постнеклассике // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 460–480.

4. Степин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект; Альма-Матер, 2015. 716 с.

5. Яскевич Я.С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды: избранные труды. Минск: Право и экономика, 2014. 551 с.

References:

1. Beljaletdinov R.R. Rol' jetiko-filosofskoj refleksii v formirovanii perspektivy razvitija nanotehnologij v issledovanijah nauki, obshhestva i tehnologij (STS) // Nanotehnologii i obshhestvo: Kollektivnaja monografija / Otv. red. B.G. Judin. M.: Izd-vo Mosk. гуманит. un-ta, 2013. S. 104–116.

2. Budanov V.G. Metodologija sinergetiki v postneklassicheskoj nauke: principy i perspektivy // Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura / Otv. red. L.P. Kijashhenko, V.S. Stepin. SPb.: Izdatel'skij dom «Mir», 2009. S. 361–396.

3. Ershova-Babenco I.V. Mesto psihosinergetiki v postneklassike // Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura / Otv. red. L.P. Kijashhenko, V.S. Stepin. SPb.: Izdatel'skij dom «Mir#», 2009. S. 460–480.

4. Stepin V.S. Filosofija i metodologija nauki. M.: Akademicheskij proekt; Al'ma-Mater, 2015. 716 s.

5. Jaskevich Ja.S. Filosofija i nauka: vremja dialoga, otvetstvennosti i nadezhdy: iz-brannye trudy. Minsk: Pravo i jekonomika, 2014. 551 s.

Сведения об авторе

Ядвига Станиславовна **Яскевич**, доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования, Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь).